

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Актуальные проблемы юриспруденции
и пути решения**

Выпуск VI

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 мая 2019 г.)**

г. Омск

2019 г.

**Издатель Инновационный центр развития образования и науки
(ИЦРОН), г. Нижний Новгород**

Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения. / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 6. г. Омск. – НН: ИЦРОН, 2019. 37 с.

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент Аминов Ильдар Ринатович (г. Уфа), гранд доктор философии, академик, профессор, член-корреспондент, заслуженный деятель науки и образования РАЕ Апсаямов Рашит Галемзянович (г. Миасс), доктор исторических наук Быкова Анастасия Геннадьевна (г. Омск), доктор юридических наук, профессор Васильев Федор Петрович (г. Москва), кандидат юридических наук Голубева Лада Анатольевна (г. Гатчина), кандидат юридических наук Грузинская Екатерина Игоревна (г. Новороссийск), почетный доктор наук, профессор Жунусканов Толыбек Жунусканулы (г. Костанай), кандидат юридических наук, доцент Закиров Радик Юрьевич (г. Казань), кандидат юридических наук Киракосян Сусана Арсеновна (г. Новороссийск), доктор юридических наук, профессор Кириченко Александр Анатольевич (г. Николаев), доктор юридических наук, профессор Комарова Валентина Викторовна (г. Москва), кандидат юридических наук, доцент Корниенко Валерий Тарасович (г. Волгодонск), кандидат юридических наук, доцент Краснова Кристина Александровна (г. Москва), кандидат исторических наук, доцент Кружалова Людмила Валерьевна (г. Санкт-Петербург), кандидат юридических наук Кудинов Владимир Владимирович (г. Курган), кандидат политических наук, доцент Лебедева Маргарита Леонидовна (г. Москва), кандидат юридических наук Павлова Арзулана Акрамовна (г. Якутск), кандидат юридических наук, доцент Потапов Михаил Григорьевич (г. Новосибирск), кандидат юридических наук, доцент Решняк Мария Генриховна (г. Москва), кандидат юридических наук Сирик Марина Сергеевна (г. Тихорецк), доктор исторических наук, член-корреспондент РАЕ Сопов Александр Валентинович (г. Майкоп), кандидат юридических наук, доцент Трунина Екатерина Владимировна (г. Саранск), кандидат юридических наук, доцент Усманова Елена Фанильевна (г. Саранск), доктор юридических наук, доцент Фролова Елизавета Александровна (г. Москва), кандидат юридических наук, доцент Шикун Илья Рифкатьевна (г. Москва), кандидат исторических наук Юрова Ксения Игоревна (г. Сочи).

В сборнике научных трудов по итогам VI Международной научно-практической конференции «**Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения**» г. Омск, представлены научные статьи, тезисы, сообщения студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней, научных сотрудников, докторантов, практикующих юристов Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Статьи, принятые к публикации, размещаются в полнотекстовом формате на сайте eLIBRARY.RU.

Оглавление

СЕКЦИЯ №1.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ	5
ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ: ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ПРАВА Фролова Е.А.	5
СЕКЦИЯ №2.	
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	7
СЕКЦИЯ №3.	
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО	7
РЕАЛЬНОСТЬ И КОНСЕНСУАЛЬНОСТЬ ДОГОВОРА ЗАЙМА Гарифуллина О.Ф.	7
БЕЗНАЛИЧНЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА КАК ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ Калин Г.К.....	9
О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ЗАЛОГА Халилова Р.М.	12
НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ФОНД В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ Чернущ Н.Ю., Морозова Е.С.	15
СЕКЦИЯ №4.	
ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	17
СЕКЦИЯ №5.	
ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО;	17
СЕКЦИЯ №6.	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	17
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ – ОСОБЫЙ УРОВЕНЬ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ Галуева В.О., Цагараева И.С.	17
НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА /THE NECESSARY DEFENSE/ Мамиев Р.К., Калищева К.А.	19
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ, МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ И БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ДОБАВОК В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ Уварова Т.А.....	23
СЕКЦИЯ №7.	
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	25
ОСОБЕННОСТИ ХОДАТАЙСТВА О ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ДЕЛА Подопригора Э.А., Тарасов А.В.	26

СЕКЦИЯ №8.	
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО	28
СЕКЦИЯ №9.	
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	28
СЕКЦИЯ №10.	
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	28
О ПОДГОТОВКЕ ЮРИСТОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ Потехецкий С.В.	29
СЕКЦИЯ №11.	
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС	32
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ АРБИТРАЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ К РАССМОТРЕНИЮ И РАЗРЕШЕНИЮ ДЕЛ ПО ЗЕМЕЛЬНЫМ СПОРАМ Иванова Е.П.	32
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2019 ГОД	35

**СЕКЦИЯ №1.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ: ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Фролова Е.А.

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Проблемы правового сознания, осмысления политико-правовой реальности, поиск идеальных конструкций в области права и государства пронизывают жизнь каждого человека как члена общества и являются предметом фундаментальных научных исследований. Изучать содержание права – социального регулятора – дело преимущественно теории государства и права и социологии права. Анализировать природу и нацеленность права на внутренние потребности личности – задача, скорее, философии и психологии права. В отличие от феномена правовой культуры, имеющего скорее общественный характер (и потому оцениваемого в системе социальных категорий - группа, общество, народ), понятие правового сознания ориентировано на личность: это сфера самосознания и мотивации юридически значимых действий каждого человека, индивидуальные расхождения в оценках правовой реальности и желаемых образцов в сфере государства и права и др. «Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или не знает, дорожит этим достоянием или относится к нему с пренебрежением. Вся жизнь человека и вся судьба его слагаются при участии правосознания и под его руководством; мало того, жить значит для человека жить правосознанием, в его функциях и его терминах...» [2, с.163].

Под правосознанием принято понимать совокупность воззрений, убеждений, эмоций, настроений, оценок в сфере права и государства. Исследование этой сферы, помимо структурных сложностей (различных видов и уровней правового сознания), предполагает методологический дуализм: феномен правового сознания рассматривается в системе категорий должного и сущего. Правосознание содержит оценочные суждения о праве. В связи с этим область правового сознания составляет элемент культуры и тем самым характеризуется в системе ценностных координат. В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что независимо от того, насколько реальное право справедливо или несправедливо, его смысл и назначение заключается в том, чтобы быть справедливым – право должно вобрать в себя и реализовать идею права [6, с.85]. Идея права включает в себя формообразующие принципы и оценки политико-правовой реальности. Эти элементы идеи права образуют содержание правового сознания, изучать которое необходимо и как ценностные суждения (оценки действительности) и как факты данного бытия (конкретные явления государства и права).

Специалисты справедливо высказывают мысль о необходимости изучения вопросов правосознания преимущественно с позиций релятивизма. Этот метод предусматривает изменчивость фактического содержания – меняются внешние обстоятельства и наши оценки политико-правовой действительности не остаются неизменными. Именно поэтому в сфере правосознания невозможно определить и установить в качестве неизменных какие-либо образцы поведения человека. Метод релятивизма нацелен на установление правильности любого ценностного суждения только *относительно другого* ценностного суждения и в рамках определенного мировоззрения [5, с.22-25]. Данный метод предполагает, что у индивида всегда есть выбор между различными воззрениями и вариантами поведения, которые могут быть продиктованы усмотрением, целеполаганием, решением «сердцем» и т.д. В конечном итоге выбор в сфере правосознания зависит не столько от внешних факторов, сколько от свободной воли духовно независимой личности. Таким образом, именно в сфере правосознания возникают системы конкурирующих ценностей, отличающиеся по содержанию, но равные по своему значению. Единых критериев оценок в правосознании нет, личности, при формальном равенстве, отличаются друг от друга, прежде всего, своим разномыслием; несмотря на то, что законы мышления едины, понимание – у каждого свое. Содержание правосознания различно, поскольку отличны не только правовые и социальные статусы личностей, но и уровни сознания людей. И тем не менее, в отношениях индивидов друг к другу, проявляется некая «единая и объективная правота, которую можно познать только через внутренний опыт, через подлинное, предметное испытание и раскрытие естественного права» [2, с.164]. Подобные переживания свойственны каждому человеку, однако у большинства оно

остаётся неосознанным, так называемым «инстинктом правоты». Осознать содержание этого «правового чувства» и раскрыть его значение – одна из задач философии и психологии права.

Как отмечалось, правосознание любого уровня и вида обладает оценочным характером. Этот факт позволяет сопоставить близкие по природе и содержанию области правосознания и морали. Нравственные принципы являются основанием для различения добра и зла (что должно делать и от чего следует воздержаться) и, тем самым, становятся мерилем оценки личности в целом. Для правосознания характерна оценка действий людей и их объединений с точки зрения юридических категорий: «данные жизненные обстоятельства имеют или не имеют юридическое значение», «в данном деле имеется или не имеется состав правонарушения», «субъект в данном случае имеет право или оно у него отсутствует», «данная сторона правоотношения является управомоченной или обязанной» и т.д. Исходя из этого различения, как отмечал Н.М. Коркунов, юридические нормы есть нормы разграничения интересов, они определяют границу между правом и неправом, указывая, насколько мы имеем или не имеем права осуществлять наши интересы при столкновении с чужими интересами. При таком понимании мораль дает оценку интересам человека, а право осуществляет их разграничение [3, с.57-62].

Однако большее распространение в науке о праве получила точка зрения, согласно которой правосознание оценивает различные факты и отношения, связанные с формальной определенностью права. Более того, правосознание само может выступать формой действующего права (в средние века санкционированный обычай, по существу, представлял обыденное правосознание, формально закрепленное в качестве источника права). Заметим, процесс осознания права обществом, особенно на уровне массового правосознания, заключается не в механическом запоминании многочисленных норм права – это не только невозможно фактически, но, наоборот, чрезмерное количество правовых предписаний порождает недоверие, настороженность и скептическое отношение к ним со стороны населения. Осознание права должно выражаться в его творческом усвоении. «Нормальное правосознание» (термин И.А. Ильина) включает в себя помимо собственно знания норм положительного права и волю, и чувство человека. «Истинный разум» (стоики), «духовная любовь к Богу» (Спиноза), «природа вещей» (Гроций), «дух закона» (Монтескье), «правовое чувство» (Иеринг) – должны быть прочувствованы и пережиты самим мыслящим субъектом и только в этом случае можно утверждать об осмысленной природе правового феномена.

Оценивая область правосознания, можно заметить, что речь идет, в основном, о «правовом чувстве», склонностях, настроениях, мнениях и иных проявлениях субъективности личности, которые и позволяют видеть в праве творческую, активную, действующую индивидуальность, а не только физическое лицо, обладающее правосубъектностью. Перефразируя Гегеля, можно сказать, что правосознание каждого индивида должно обнаружить свой разум, то есть идею права, имеющую всеобщий характер; каждый должен усмотреть объективное значение права, которое сохраняется при любых политических режимах, независимо от несогласия, случайного незнания или систематического неповиновения со стороны того или иного субъекта права [2, с.181]. Однако при всей относительности и формальном характере право обладает неизменной внутренней составляющей, нацеленной на справедливость, правильность, истинность решения возникающих между субъектами права конфликтов. Право и государство – социальные регуляторы – создаются для общественного согласия, «замиренной среды» и осуществляются через правосознание, через волю и чувства каждого члена общества. Для полноценного отражения интересов индивида и общества, право в своем объективном значении и смысловом содержании должно быть осознано мыслью, проверено опытом и признано волей человека.

Список литературы

- 1.Иеринг Р. Историко-общественные основы этики / Ф. Иеринг Р. Избр. труды. В 2 т. т.1. СПб., 2006.
- 2.Ильин И.А. Теория права и государства / Под ред. и с комментариями В.А. Томсинова, М., 2003.
- 3.Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003.
- 4.Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002.
- 5.Радбрух Г. Философия права. М., 2004.
- 6.Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. М.,1908.

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

РЕАЛЬНОСТЬ И КОНСЕНСУАЛЬНОСТЬ ДОГОВОРА ЗАЙМА

Гарифуллина О.Ф.

Башкирский государственный университет, г. Уфа

Заемные отношения одни из самых древних правовых отношений, возникших между людьми.

Римское право и, в частности, Дигесты Юстиниана (533 год н.э.) содержат следующее определение займа: «Заем (*mutuum*) представляет собой договор, по которому одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) денежную сумму или известное количество иных вещей, определенных родовыми признаками (зерно, масло, вино), с обязательством заемщика вернуть по истечении указанного в договоре срока либо по востребованию такую же денежную сумму или такое же количество вещей того же рода, какие были получены» [2]

Подробную регламентацию правового регулирования в Российской империи договор займа получил в книге четвертой части 1 тома X Свода законов Российской империи (далее — Свод законов). Правила, содержащиеся в указанном акте, действовали вплоть до Октябрьской революции 1917 г. В конце XIX — начале XX в. Высочайше учрежденной Редакционной комиссией был разработан проект Гражданского уложения (далее — проект ГУ), гл. VII тома второго книги пятой которого была посвящена регулированию договора займа (ст. 348—363)¹. В советский период впервые договор займа был урегулирован Гражданским кодексом РСФСР 1922 г. (далее — ГК РСФСР) в гл. VI «Заем» [3].

Договор займа представляет собой соглашение, в силу которого одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества (п.1 ст.807 ГК).

Предметом договора займа являются деньги или другие вещи, определяемые родовыми признаками (числом, мерой, весом), т.е. вещи, которые не имеют конкретных, индивидуализирующих, присущих только им черт и потому не отличаются от других однородных вещей и юридически заменимы. Как следует из понятия договора займа, также предметом договора займа могут быть иностранная валюта или валютные ценности, если это не противоречит действующему законодательству. В этом проявляется отличие договора займа от договора имущественного найма или ссуды, предметами которых могут быть только индивидуально-определенные вещи.

Имущество, составляющее предмет договора займа, поступает в собственность заемщика и перестает быть объектом собственности займодавца. Поэтому займодавец вправе претендовать на возврат ему лишь аналогичных по роду, качеству и количеству вещей.

Когда контрагенты совершают заемную сделку, займодавец передает деньги или другие вещи заемщику, а заемщик обязуется вернуть, переданное в равном количестве или качестве (ст. 807 ГК РФ).

Самым существенным признаком договора займа следует признать специфику объекта данного договора, в качестве которого выступают денежные средства и иные вещи, определяемые родовыми признаками.

Главная особенность объекта займа состоит в том, что использование как денежных средств, так и иных вещей, определяемых родовыми признаками, возможно лишь путем их потребления. Поэтому, несмотря на то, что целью заемщика остается временное использование имущества, переданного ему займодавцем (в этом смысле по своей цели договор займа практически ничем не отличается от наиболее близких ему договоров имущественного найма и ссуды), деньги и вещи, определяемые родовыми признаками, составляющие объект договора займа, передаются в собственность (а не во владение и временное пользование) заемщика.

В системе объектов гражданских прав как деньги, так и вещи, определяемые родовыми признаками, относятся к вещам движимым, делимым и заменимым.

Для договоров займа, как и для других, выделяют существенные условия. В первую очередь, таким условием является предмет соглашения (ст. 432 ГК РФ). Помимо предмета, закон относит к существенным те условия, которые захотят признать таковыми сами контрагенты (абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ).

На практике стороны договора займа признают обязательными условия:

1. О величине процентов, которые заемщик должен выплатить.
2. О цели получения займа.
3. О сроках и порядке возврата.

Отношения займа предполагаются возмездными, если только их безвозмездный характер прямо не установлен законом или конкретным договором. То есть условие о безвозмездности договора займа в каждом конкретном договоре должно быть оговорено. В противном случае, если в тексте договора о вознаграждении ничего не сказано, все равно заемщик обязан выплатить займодавцу проценты за пользование имуществом на основании п. 1 ст. 809 ГК РФ. При отсутствии в договоре условия о размере процентов за пользование займом их размер определяется ключевой ставкой Банка России, действовавшей в соответствующие периоды.

С 1 июня 2018 года вступили в силу поправки, внесенные в главу 42 ГК РФ «Заем и кредит», Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

К одним из важнейших изменений относится возможность заключения консенсуальных займов, которые смогут выдавать юридические лица на условиях обещания передачи денег через определенный договором срок. При этом реальные займы, при которых договор считается заключенным только с момента передачи предмета займа, заключаются на прежних условиях (ст. 807 ГК РФ) [1].

Классификация различных типов и форм договоров возможна не только по их содержанию, но и по моменту возникновения взаимных прав и обязанностей контрагентов. По данному основанию договоры подразделяются на реальные и консенсуальные, а юридическое значение такого разделения регламентировано в ст. 433 ГК РФ.

Отличие между ними заключается в определении момента вступления в силу договора:

- консенсуальный договор начинает действовать в момент достижения его участниками согласия по всем существенным условиям договора, акцепта ранее направленной оферты без ее изменений;
- для вступления в силу реального договора необходимо выполнение еще одного условия: должна произойти фактическая передача объекта, переход права на который предусмотрен в рамках совершаемой сторонами сделки.

Консенсуальное соглашение – это специфический вид взаимодействия сторон. Он предусматривает поиск общего решения (консенсуса) на момент окончательного подписания.

Значимым обстоятельством является обязательное согласование всех существенных условий договора до момента подписания. Исключением являются сопутствующие и дополнительные условия договора, которые могут исключаться или добавляться в текст документа по согласованию сторон.

К консенсуальным договорам ГК РФ относит все договоры, о реальности которых прямо указано в законе (ст. 433 ГК РФ). Реальных по прямому указанию закона существует немного. Это, к примеру, договор хранения, перевозки или банковского вклада. До последнего времени договор займа в пункте 1 статьи 807 ГК РФ признавался реальным, он вступал в силу с момента передачи денег или обусловленного договором вещей. Этим он отличался от консенсуального кредитного договора, действие которого начиналось в момент его подписания сторонами.

Ранее заем был только реальным договором, то есть момент его заключения совпадал с моментом передачи денежных средств, а договоренность о выдаче займа не имела правового значения. Иными словами, если стороной не соблюдалась предварительная договоренность о выдаче займа, то взыскать убытки за неисполнение этой договоренности было нельзя.

До изменений стороны преодолевали данную ситуацию, заключая предварительный договор займа: если одна сторона не исполнила предварительный договор, то другая могла потребовать заключить основной договор займа.

Таким образом, реальные договоры представляют собой двухступенчатую модель: во-первых, согласовываются условия, во-вторых передается имущество (деньги, облигации, акции и т.д.).

Стороны, для которых важно получить заем после наступления определённого условия или через определенный промежуток времени, вынуждены были вступать в замены отношения с немалой степенью риска.

Либо кредитор был вынужден рисковать и выдавать заем в тот момент, когда заемщик еще не может его использовать. Либо заемщик должен был рисковать, договариваясь с потенциальным кредитором о предоставлении займа, понимая, что кредитор может не выдать необходимые денежные средства при фактической их необходимости.

С 01.06.2018 заключение предварительного договора не требуется, так как, заключив консенсуальный договор займа, заемщик, не получивший денежные средства, может в судебном порядке потребовать исполнения обязательства в натуре, то есть получить заем.

Консенсуальный договор позволяет привлекать займы заранее, обеспечив выдачу займа в нужный момент, предусмотренный договором.

Таким образом, консенсуальный займ может выдавать только юридическое лицо на условиях обещания передачи денег через определенный договором срок. Договор будет считаться заключенным с момента оформления соглашения, а не с момента передачи денег и будет иметь правовые последствия в случае неисполнения обязанности кредитором.

Внесенные изменения в ГК РФ дадут возможность выдавать консенсуальные займы не только банкам, как это было ранее, но и другим участникам финансового рынка.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Справочно-правовая система «Консультант».
2. Коробкова Д.С. Сравнительно-правовой анализ договора займа и кредитного договора / Д.С. Коробкова // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2017. — Т.5, № 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru>.
3. Хабиров А.И. Правовое регулирование договора займа в России в 1917-2017 гг. / А.И. Хабиров // Актуальные проблемы российского права. - 2018. - № 2 (87). - С. 66-79.

БЕЗНАЛИЧНЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА КАК ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ

Калин Г.К.

ФГБОУ «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина», г. Москва

Безналичные средства понимаются как имущество, осуществляемое без использования наличных денег, посредством перечисления денежных средств по счетам в кредитных учреждениях и зачётов взаимных требований.

В отличие от наличных расчетов, при безналичных возникают особые расчетные правоотношения, связанные с исполнением поручения клиента банка о переводе денежных средств, требующие специального правового регулирования. Субъектами данных отношений являются клиент, давший поручение о переводе денежных средств (плательщик или получатель средств), обслуживающий его банк (небанковская кредитная организация), а в ряде случаев также банки, привлекаемые к осуществлению расчетных операций (банки-посредники). Объектом рассматриваемых отношений являются денежные средства, находящиеся на банковском счете клиента (безналичные денежные средства) или предоставленные клиентом без открытия банковского счета. Перевод банком денежных средств осуществляется в рамках применяемых форм безналичных расчетов.

Вопрос о правовой природе безналичных денежных средств является дискуссионным. Наиболее распространенным является обязательственно-правовой подход, в соответствии с которым безналичные денежные средства рассматриваются как права требования клиента к банку по выдаче и перечислению денежных средств, а также осуществлению иных банковских операций. В рамках вещно-правового подхода

к определению природы безналичных денежных средств последние приравниваются к наличным деньгам, в связи с чем на них полностью распространяется режим наличных денег.

Учёные Брагинский М.И., Суханов Е.А. придерживаются мнения, что безналичные деньги представляют собой право требования клиента к банку, которое носит обязательственный характер¹. То есть безналичные денежные средства могут отрываться от своей номинальной стоимости, так как они являются лишь правом требования. Также существует точка зрения, что денежные средства – особая вещно-правовая категория, её придерживаются Олейник О.М., Ефимова Л.Г.²

Новоселова Л.А. считает, что деньгами не является такое понятие как "денежные средства", которые используются в статьях ГК РФ, поскольку они не свидетельствуют о вещественной природе денег как купюр и монет³.

Белов В.А. полагает, что безналичные деньги представляют собой сложный комплекс имущественных прав, объект лишь имущественного (обязательственного) права требования к банку (права на деньги), но не сами деньги⁴.

Активным сторонником второй теории является Ефимова Л.Г., которая утверждает, что безналичные деньги являются фикцией наличных (квазиналичные деньги). Она считает, что при помощи данной фикции безналичные денежные средства приравниваются к вещам. Так же, ссылаясь на нормы гражданского законодательства, автор говорит о том, что в соответствии с ГК РФ законным платежным средством является рубль и передаваться он может как путем наличных, так и безналичных расчетов. Следовательно, способ расчетов не влияет на свойства денег⁵.

Аналогичную точку зрения занимает К. Трофимов. По мнению автора, право собственности на данные средства сохраняется и не может трансформироваться в обязательственное, так как статья 235 ГК РФ, регулирующая основания прекращения права собственности, не содержит оснований, согласно которым можно сделать вывод о прекращении права собственности у физических или юридических лиц, сдающих наличные деньги в банк. Равно как и статья 218 ГК РФ не содержит оснований для приобретения банком права собственности на деньги клиента⁶.

Таким образом, можно увидеть, что в юридической науке до сих пор ведутся споры о правовой природе безналичных денежных средств. Наиболее целесообразной представляется точка зрения, согласно которой безналичные денежные средства по своей сути являются имущественными правами требования владельца банковского счета к банку.

В данном случае интересным представляется вопрос о том, что если безналичные деньги являются правом требования, должна ли их передача осуществляться в порядке уступки права требования (цессии). На сегодняшний день проблематика данного вопроса практически не раскрыта в доктрине гражданского права.

Так, Л.А. Новоселова считает их «абстрактным, безусловным и не ограниченным сроком правом требования к банку о выдаче (выплате) по первому требованию денег (правом на деньги), зафиксированным посредством бухгалтерских записей, ведущихся банком»⁷. Вместе с тем Л. А. Новоселова предлагает рассматривать «перемещение безналичных средств по банковским счетам клиентов... в качестве особого порядка передачи прав, отличного от общегражданской уступки прав требования (цессии), а возникающие при осуществлении такой передачи обязательства с участием банков (расчетные обязательства) — как обособленные от основной сделки, по которой производится платеж»⁸. Эту мысль нельзя не признать

¹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 2-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – С.561; Гражданское право: В 2 т. Т. 1: учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. - 2-е изд., стер. – М.: Издательство Статут, 2011. С. 319.

² Ефимова Л.Г. Правовые проблемы безналичных денег // Хозяйство и право. 1997. N 1 С. 128.

³ Новоселова Л.А. О правовой природе "безналичных денег" // Хозяйство и право. 1996. N 7. С. 26;

Новоселова Л. Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. – М.: Юринформ, 1996. С. 12-17.

⁴ Белов В.А. Юридическая природа "бездокументарных ценных бумаг" и "безналичных денежных средств" // Рынок ценных бумаг. 1997. N 5. С. 64.

⁵ Ефимова Л.Г. См. там же. С. 84.

⁶ Трофимов К. Безналичные деньги. Есть ли они в природе? (Заметки банкира)// Хозяйство и право. 1997. N 2. С. 43.

⁷ Новоселова Л. А. Проценты по денежным обязательствам. 2-е изд. М., 2003. С. 17.

⁸ Новоселова Л. А. Проблемы гражданско-правового регулирования расчетных отношений: дис. д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 7.

правильной. Очевидно, что переход таких прав требования, как безналичные деньги, подчиняется особым правилам, а именно правилам расчетов и не осуществляется в порядке цессии.

Однако следует отметить один принципиальный момент - переход права требования может быть двух видов. Первый – поручение владельца банковского счета перевести денежные средства на счет другого лица. Действительно, в данном случае происходит особый порядок передачи прав, полностью регулируемый правилами расчетов.

Большой интерес представляет ситуация, когда владелец банковского счета, например, в случае признания банка несостоятельным, может, будучи кредитором в обязательстве, передать третьему лицу права требования к банку в сумме, не покрываемой страхованием вкладов. В данном случае представляется сомнительной возможность урегулирования возникших правоотношений правилами о расчетах. Разумным видится применение общих положений об уступке права требования, установленных гражданским законодательством.

Далее интерес может представлять вопрос о том, можно ли распространять правила купли-продажи права требования на безналичные денежные средства. Следует отметить, что законодатель, регламентируя возможность передачи прав (требований) по сделке (п. 1 ст. 382 ГК РФ), не указывает при этом на какую-либо конкретную разновидность договора, на основании которого это возможно. Следовательно, передача права требования в зависимости от условий оплаты возможна на основании договора купли-продажи (п. 4 ст. 454 ГК РФ). Поэтому договор купли-продажи может служить основанием передачи безналичных денег. В данном случае имеет место возмездная цессия⁹.

Однако на практике возникают споры относительно возможности применения положений о купле-продаже при заключении возмездного договора переуступки прав, основанных на обязательстве. По вопросу о возможности применения положений гл. 30 ГК РФ к купле-продаже имущественных прав существует две позиции судов.

Первая позиция заключается в том, что к купле-продаже имущественных прав, основанных на обязательстве, применяются положения гл. 30 ГК РФ. Основным судебным актом, подтверждающим данное положение, является Постановление Президиума ВАС РФ от 18.10.2011 N 7022/11 по делу N А46-8056/2010. В данном постановлении Президиум ВАС РФ пришел к выводу о том, что в соответствии с ГК РФ общие положения о купле-продаже применяются и к продаже имущественных прав, если иное не вытекает из содержания или характера последних¹⁰. В дальнейшем к данному выводу пришли арбитражные суды, указывая в постановлениях на то, что их позиция согласована с вышеназванным Постановлением Президиума ВАС РФ¹¹.

Вторая позиция заключается в том, что к купле-продаже имущественных прав, основанных на обязательстве, не применяются положения главы 30 ГК РФ. Данная позиция судов сформировалась до опубликования Постановления Президиума ВАС РФ от 18.10.2011 N 7022/11 по делу N А46-8056/2010.

Таким образом, исходя из анализа судебной практики, можно сделать вывод о том, что заключение договора купли-продажи имущественных прав в форме безналичных денежных средств, на практике представляется возможным.

⁹ Постановление Президиума ВАС РФ от 29.12.1998 N 1676/98 // "Вестник ВАС РФ", 1999, N 3.

¹⁰ Постановление Президиума ВАС РФ от 18.10.2011 N 7022/11 по делу N А46-8056/2010 // "Вестник ВАС РФ", 2012, N 2.

¹¹ См., напр., Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14.05.2018 N Ф01-1504/2018 по делу N А43-10394/2017; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.03.2018 N Ф07-16117/2017 по делу N А56-8801/2017.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ЗАЛОГА

Халилова Р.М.

Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала

С момента возникновения залога, вопрос, является ли залог правом вещным или обязательственным, не находит однозначного ответа в юридической литературе. Причем, такая неоднозначность имела место не только в доктрине, но и прослеживалась на уровне законодательства. Анализируя историю развития российского гражданского права, можно сделать вывод что законодатель по-разному квалифицировал правовую природу залога. Так, например, Гражданский Кодекс РСФСР от 1922 г. содержал нормы о залоге в разделе «Вещное право», Гражданский Кодекс 1964 г. предусматривал нормы о залоге уже в разделе «Обязательственное право». Что касается действующего Гражданского кодекса (далее — ГК РФ), то и в нем нормы о залоге содержатся в статьях посвященных правовому регулированию обязательственных прав. Конечно, можно было бы поставить точку в дискуссии о правовой природе залога, указав что законодатель расположив нормы о залоге в разделе «Общая часть обязательственного права», установив тем самым обязательственно-правой характер права залога. Но многочисленные публикации и обсуждения по вопросам правовой природы залога говорят об актуальности данной темы и по сей день. Причем нельзя отрицать и очевидную практическую значимость проблемы правовой природы залога. Предполагается, что в случае признания за залогом вещно-правовой природы, к нему необходимо применять приоритетно нормы вещного права. И соответственно, в случае признания за залогом обязательственно-правовой природы, необходимо руководствоваться нормами обязательственного права.

В действующем законодательстве залог признается способом обеспечения исполнения обязательств, при котором кредитор-залогодержатель приобретает право в случае неисполнения должником обязательства получить удовлетворение за счет стоимости заложенного имущества. Другими словами, залог – это обеспечительное обязательство основной целью которого является обеспечение надлежащего исполнения должником взятого на себя обязательства. Такое описание залога в ныне действующем ГК РФ, бесспорно указывает на обязательственно правовую природу залога.

Характерными чертами залога как обеспечительного обязательства, являются, прежде всего, право преимущественно у залогодержателя перед другими кредиторами залогодателя, т.е. кредитор-залогодержатель вправе удовлетворить свои требования преимущественно перед другими кредиторами должника. Но из этого правила есть некоторые изъятия, например, при ликвидации юридического лица. Как известно в ст. 64 ГК РФ установлены в общем четыре очереди кредиторов. Требования кредиторов каждой очереди удовлетворяются после полного удовлетворения требований кредиторов предыдущей очереди, за исключением требований кредиторов по обязательствам, обеспеченным залогом имущества ликвидируемого юридического лица. Как видно законодатель учитывает преимущество кредиторов-залогодержателей. Но уже в следующем абзаце этой же нормы устанавливает противоположное правило. Требования кредиторов по обязательствам, обеспеченным залогом имущества ликвидируемого юридического лица, удовлетворяются за счет средств, полученных от продажи предмета залога, преимущественно перед иными кредиторами, за исключением обязательств перед кредиторами первой и второй очереди, права требования по которым возникли до заключения соответствующего договора залога.

А в случае банкротства юридического лица и вовсе может не хватить имущества для удовлетворения требований кредиторов. Таким образом, хотя залог и является преимущественным правом, дающее своему обладателю юридическое превосходство над другими, не всегда предоставляет это превосходство. Удовлетворение требования залогодержателей в третью (или иную, но не в первую) очередь ведет к принижению значения идеи залога. Обесценивается залог как способ обеспечения обязательств, поскольку при наличии кредиторов, получающих удовлетворение до залогодержателя, последний рискует остаться ни с чем. Такие ограничения, пусть и установленные в законе как исключения, подрывают обеспечительную функцию залога.

В этой связи очень интересным кажется мнение Е.А. Боннера, которое, кстати, вполне соответствует позиции законодателя: «Право залогодержателя получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами при подобном подходе безосновательно и несправедливо трансформируется в право «забронировать» вещь от взыскания любых иных лиц». Но согласитесь, что такая точка зрения противоречит основным идеям гражданско-правового регулирования

имущественных отношений, например, свобода договора, надлежащее исполнение обязательства и др. Как нам ведется, устанавливая подобного рода ограничения, законодатель, прежде всего преследует социально значимые интересы.

Еще одна особенность залога как обеспечительного обязательства – это его акцессорный характер. Свойство акцессорности, как известно, проявляется в следующем: судьба залогового обязательства всегда находится в зависимости от основного обеспечиваемого залогом основного обязательства. Например, недействительность основного обязательства влечет недействительность акцессорного и, наоборот, недействительность акцессорного обязательства не влечет недействительности основного. Прекращение основного обязательства всегда влечет прекращение акцессорного обязательства. Изменение основного обязательства влечет прекращение акцессорного, за исключением случаев, когда должник по акцессорному обязательству согласен нести свою обязанность и дальше. Переход прав по основному обязательству влечет переход прав к новому кредитору и по акцессорному обязательству, за исключением случаев, предусмотренных договором или законом. С истечением срока исковой давности по требованию из основного обязательства истекает срок исковой давности и по акцессорному обязательству. Все эти признаки относятся и к залогом. И в этой связи, очень странным и противоречивым кажется правило пункта 4 ст. 341 ГК РФ, согласно которой, законом в отношении залога недвижимого имущества может быть предусмотрено, что залог считается возникшим, существует и прекращается независимо от возникновения, существования и прекращения обеспеченного обязательства. Этим положением, по сути, отвергается дополнительный характер и обеспечительная ценность залога. На наш взгляд, не может залог быть оторванным от своего основания (обязательства, обеспечиваемого залогом), ведь это не соответствует законам логики, потому что акцессорное залоговое обязательство не может действовать самостоятельно.

Отметим также и некоторые другие особенности залога, указывающие на его обязательственно правовую природу: 1) предметом залога может быть не только вещь, но и имущественное право (ст. 336 ГК РФ); 2) предметом залога может быть вещь или права, которые залогодатель приобретет в будущем (ст. 340 ГК РФ); 3) в случае гибели предмета залога залогодатель вправе заменить его другим равноценным имуществом (ст. 345 ГК); 4) залогодержатель вправе передать свои права по договору залога другому лицу; 5) при ликвидации должника-юридического лица предмет залога включается в общую конкурсную массу; 6) требования кредитора залогодержателя удовлетворяются только путем продажи заложенного имущества на открытых торгах. ГК не допускает перехода, заложенного имущества залогодержателю, за некоторым исключением.

Остановимся на вещно-правовом аспекте залоговых правоотношений. В чем же проявляется вещно-правовой характер права залога? Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к истории возникновения и развития залога как института частного права.

Как известно, первые формы залога имели место еще в римском частном праве и назывались фидуция и пигнус, чуть позже появляется ипотека. Фидуция как форма залога предполагала передачу заложенной вещи в собственность залогодержателя путем ее продажи. В случае надлежащего исполнения должником своего обязательства, он вправе был рассчитывать на возврат заложенной вещи. Возврат опять же предполагал заключение еще одного договора купли-продажи. При этом обязанность залогодержателя по обратной продаже заложенной вещи ничем не обеспечивалась. Соответственно для первоначального собственника ситуация могла складываться не лучшим образом, он мог потерять свою вещь навсегда. По сути должник он же первый собственник предмета залога вынужден был довериться своему кредитору. Поэтому и принято первую форму залога называть фидуция, что в переводе с латинского означает доверие. Таким образом, залоговая сделка того времени носила закладной и явно лично-доверительный характер, требовала соблюдения множества формальностей и тем самым и не отвечала требованиям развивающихся имущественных отношений.

На смену фидуции пришел пигнус, который предполагал передачу предмета залога уже не в собственность, а во владение кредитора, который наделялся правом держать вещь у себя. Отсюда и пошло название – ручной заклад (пигнус), то есть иными словами вещь передавалась кредитору-залогодержателю на хранение и по общему правилу не предусматривал возможность пользования заложенной вещи. В случае не исполнения обязательства должником предмет пignуса оставался у кредитора. По сути в случае с пignусом вещь выбывала из гражданского оборота, ею по общему правилу нельзя было пользоваться и извлекать полезные свойства. Как показала практика, невозможность пользования вещью стало одним из основных недостатков данной формы залога. Поэтому на смену пignусу пришла ипотека, которая считалась более совершенной формой залога, когда заложенное имущество оставалось у залогодателя. В истории такая

форма залоговых правоотношений получила еще название чистый залог. В случае с чистым залогом у залогодержателя не появляются вещные правомочия. И лишь в случае не исполнения должником своей обязанности, залогодержатель вправе был распорядиться предметом ипотеки. Более того, это право кредитора распорядиться предметом залога носило ограниченный характер.

Проанализировав исторические формы залога, можно сделать вывод, что для первых двух форм характерно свойство «вещности». Хотя в случае пignus характер «вещности» залоговых отношений уже проявляется и не так ярко.

Однако следует помнить о том, что институт залога развивался, и теперь его конструкция в гражданском праве довольно широка. Кроме того, вещное право залога не столь явно выражено, как например, в праве собственности. Известный русский цивилист Шершеневич Г.Ф. утверждал, «что залог является вещным правом, это обнаруживается в том, что имея своим объектом вещь, оно всюду следует за нею, независимо от права собственности на нее, которое может переходить от одного лица к другому. Но залоговое право не лишено некоторых особенностей, отличающих его от других вещных прав. В противоположность другим вещным правам, оно не имеет самостоятельного значения, а стоит в зависимости от права по обязательству. Залоговое право не дает ни владения, ни пользования».

Таким образом, можно обозначить две особенности залога, бесспорно указывающие на его вещно-правовой характер. Это, прежде всего, абсолютный характер защиты прав залогодержателя (ст. 305 ГК, ст. 347 ГК) и право следования (ст. 335 ГК).

Остановимся на абсолютном характере защите прав залогодержателя. С момента возникновения залога залогодержатель, у которого находилось или должно было находиться заложенное имущество, вправе истребовать его из чужого незаконного владения, в том числе из владения залогодателя. В случаях, если залогодержателю предоставлено право пользоваться переданным ему предметом залога, он может требовать от других лиц, в том числе от залогодателя, устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения. Залогодержатель также вправе требовать освобождения заложенного имущества от ареста (исключения его из описи) в связи с обращением на него взыскания в порядке исполнительного производства. То есть по сути залогодержатель, как и собственник вещи, может использовать вещно-правовую защиту своих прав, в том числе с помощью специальных вещно-правовых исков – виндикационного и негаторного.

Право следования означает, что в случае перехода права собственности или хозяйственного ведения на заложенное имущество от залогодателя к другому лицу в результате отчуждения либо в порядке универсального правопреемства право залога сохраняет силу.

Как видно, в пользу обязательственно-правовой природы залога говорит многое. Более того, сама точка зрения законодателя не вызывает сомнений в этом плане. Как нам видится, позиция законодателя в отношении правовой природы залога вполне оправдана. Ведь институт залог как раз исторически появился как вещно-правовая конструкция, и, при этом, не оправдав ожиданиям развивающегося гражданского оборота, потихоньку стал совершенствоваться и носить все более обязательственно-правовой характер. Тем не менее, отрицать очевидные вещно-правовые признаки залога тоже нельзя, потому что привлекательность залога как обеспечительного обязательства проявляются в том числе в его вещно-правовой направленности, а именно в абсолютной защите прав залогодержателя от всех третьих лиц, включая самого залогодателя. В этой связи, нам представляется, что следует говорить о двойственной природе залога. Залог порождает два вида отношений – между залогодателем и залогодержателем (это способ обеспечения обязательства) и между залогодержателем и вещью. Поэтому залог может быть охарактеризован как вещный способ обеспечения обязательства.

Список литературы

1. Бевзенко Р.С. Акцессорность обеспечительных обязательств / Р.С. Бевзенко. – М.: Статут, 2013. – 96 с.
2. Боннер Е.А. Правовые проблемы соотношения прав залогодержателя и иных кредиторов / Е.А. Боннер // Вестник экономического правосудия РФ. - 2015. - № 6. — С. 90-104.
3. Гражданское право: учебник. Т.1 / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К Толстой. - М. Проспект, 2008. - 765 с.
4. Российское гражданское право. Обязательственное право. Т.2 / отв. ред. Е.А. Суханов. - М.: Статут, 2015 - 1208 с.

5. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич – по изданию 1907 г. - М.: Спарк, 1995. - 539 с.

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ФОНД В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Чернущ Н.Ю., Морозова Е.С.

Институт философии и права СО РАН, Сибирский институт управления РАНХиГС, г. Новосибирск

Принятые в 2018 году и вступившие с 1 сентября 2018 года дополнения в Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ), согласно которым в системе некоммерческих юридических лиц появилась новая форма унитарной организации – наследственный фонд. В соответствии с п. 1 ст. 123.20-1 ГК РФ, наследственным фондом признается создаваемый во исполнение завещания гражданина и на основе его имущества фонд, осуществляющий деятельность по управлению полученным в порядке наследования имуществом этого гражданина бессрочно или в течение определенного срока в соответствии с условиями управления наследственным фондом. Также в статьях 123.20–1-123.20–3 ГК РФ отражены особенности учреждения, управления и ликвидации наследственного фонда. Появившееся юридическое лицо является для российского законодательства новым, поэтому определение признаков и места наследственного фонда в системе юридических лиц носит дискуссионный характер. Самостоятельный федеральный закон, в котором был бы определен правовой статус наследственного фонда, не принят. Поскольку наследственный фонд является новым субъектом гражданского права, следует определить его место среди других юридических лиц. С одной стороны, наследственный фонд занимает самостоятельное место в системе юридических лиц российского гражданского права, поскольку наследственный фонд может быть создан с целью сохранения бизнеса наследодателя, который нередко существует в виде коммерческой корпоративной организации. С другой стороны, выбранная законодателем организационно-правовая форма, которую этот бизнес может принять после смерти наследодателя, является некоммерческой унитарной организацией, что, конечно, парадоксально. С этой позиции появление в гражданском законодательстве конструкции наследственного фонда вносит определенный дисбаланс в систему юридических лиц, фундаментальных понятий российского наследственного права, а также усложняет деятельность нотариусов. Действительно, принятый Федеральный закон от 29.07.2017 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации», благодаря которому в ГК РФ появился наследственный фонд, напрямую не определил место наследственного фонда в системе юридических лиц. Ведь наследственный фонд является комплексным институтом гражданского права, содержащий нормы не только о юридическом лице, но и нормы о наследовании, что влечет особенности правового регулирования. Деятельность наследственного фонда регулируется положениями о фондах, некоммерческих организациях, а также положениями гражданского законодательства о наследовании. Исходя из целей создания, наследственный фонд можно отнести к некоммерческим организациям весьма условно. В соответствии с п. 1 ст. 7 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», фонд преследует социальные, благотворительные, культурные и иные общественно-полезные цели. Наследственный же фонд создается в частных интересах, что напрямую не закреплено в ГК РФ, тем не менее вытекает из его назначения - исполнение завещания гражданина, а также осуществление деятельности по управлению полученным в порядке наследования имуществом этого гражданина. Другими особенностями наследственного фонда является то, что имущество не вносится в фонд добровольно, законом установлен особый порядок управления, содержание устава и судьба имущества при ликвидации, которые обусловлены волей завещателя.

Как отмечают некоторые исследователи, несмотря на выявленные противоречия, наследственный фонд в России имеет ряд преимуществ: во-первых, наследственный фонд – это возможность для завещателя определить судьбу наследственного фонда начиная от устава, заканчивая основанием его ликвидации; во-вторых, срок создания наследственного фонда значительно меньше срока вступления в права наследования; в-третьих, существует возможность выбора создания наследственного фонда за границей либо в России, если выбор падает на Россию, то решается ряд проблем, в том числе с переводом активов в другую страну; в-четвертых, в России остаются инвестиции, деньги, активы и рабочие места [1, с. 25]. В связи с этим ожидается, что в ГК РФ должны появиться положения о наследственных фондах, поскольку действующие нормы в настоящее время создают больше неопределенности в этом вопросе, нежели помогают

наследодателям. Представляется, что положения, о которых идет речь, должны содержать, во-первых, общую часть, регулирующую все виды наследственных фондов, куда войдут нормы о порядке создания фонда, и, во-вторых, специальные нормы, регулирующие деятельность общественно полезных и частных фондов, соответственно.

Кроме того, при определении места наследственного фонда среди юридических лиц, следует затронуть вопрос о его использовании в нотариальной практике, поскольку создание и функционирование наследственного фонда полностью обеспечивается нотариусом. Отметим, что рассматриваемая новелла наследственного права значительно усложняет деятельность нотариусов при ведении наследственного дела. В нотариальной практике происходит смешение вопросов, касающихся деятельности юридического лица и наследования. Было бы логичным, что до вступления в силу Федерального закона от 29.07.2017 №259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» необходимо было внести соответствующие поправки в законодательство о нотариате, государственной регистрации юридических лиц. Однако вступившие в силу поправки не коснулись других нормативно-правовых актов.

Итак, исходя из действующего правового регулирования, следует констатировать как факт, что законодатель неверно выбрал организационно-правовую форму для наследственных фондов. В российской правовой системе фонды традиционно выполняют функцию, направленную на достижение социально-полезных целей. Кроме того в законодательстве отсутствуют положения, определяющие возможные правовые последствия создания наследственного фонда. А именно, то, что наследодатель может отстранить наследников от наследства, которое должно было достаться им по закону. Поскольку принять наследство следует в течение шести месяцев, нотариус обязан в течение трёх рабочих дней предоставить сведения в Единый государственный реестр юридических лиц о создании наследственного фонда. И Фонд начинает свою деятельность с момента его регистрации. Не совсем понятно, что в этом случае делать наследникам, имеющим обязательную долю в наследстве, в том случае, если наследодатель всё свое имущество завещал фонду. Как отмечается в литературе, данное положение приведет к многочисленным судебным разбирательствам [2].

Также, согласно п.2 ст.123.20-1 ГК РФ нотариус, ведущий наследственное дело, обязан направить в уполномоченный государственный орган заявление о государственной регистрации наследственного фонда не позднее трех рабочих дней со дня открытия наследственного дела после смерти гражданина, который предусмотрел в своем завещании создание наследственного фонда. Если же нотариус не исполнил своих обязанностей, то наследственный фонд может быть создан по решению суда по требованию выгодоприобретателей, наследников, или душеприказчика. При этом ГК РФ не содержит ответов, что делать в случае, если регистрирующий орган откажет в регистрации наследственного фонда. Не определено лицо, которое было бы обязано исправлять ошибки и вносить изменения в устав фонда.

Таким образом, наследственный фонд является уникальным юридическим лицом, так как существует отдельно от учредителя, коим является умерший завещатель. Использование имущества фонда допускается исключительно для управления полученным в порядке наследования имуществом. У такого фонда отсутствует лицо, являющееся учредителем и собственником переданного фонду имущества и формирующее направления управления фондом. Данное свойство фонда является ярким выражением теории фикции папы римского Иннокентия VI: наследственный фонд, являясь искусственной конструкцией, порождением правопорядка высокой ступени развития, самостоятельно существует в обществе вне принадлежности и вне зависимости от воли определенного физического лица [3, с. 33].

Список литературы

1. Калачева Т.Л. Наследственный фонд в Гражданском кодексе Российской Федерации // Законность и правопорядок: правосознание и правовая культура современного общества сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 2018. С. 24-29.
2. Кириллова Е.А. Гражданско-правовые аспекты оптимизации трансграничного наследования бизнеса // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovye-aspekty-optimizatsii-transgranichnogo-nasledovaniya-biznesa> (дата обращения: 19.04.2019).
3. Кириллова Е.А. Гражданско-правовые аспекты оптимизации трансграничного наследования бизнеса // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. №6. – С. 32-37.

СЕКЦИЯ №4.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

СЕКЦИЯ №5.

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

СЕКЦИЯ №6.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ – ОСОБЫЙ УРОВЕНЬ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Галуева В.О., Цагараева И.С.

(Галуева В.О. – к. ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета
СОГУ им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ;

Цагараева И.С. – магистрант кафедры уголовного права и процесса юридического факультета
СОГУ им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ)

Аннотация: в статье рассматривается история возникновения организованной преступности в современной России, ее отрицание в период существования СССР, каналы транснациональной деятельности организованных преступных групп, а также условия, обеспечивающие возможность существования такого вида преступности.

Ключевые слова: организованная преступность, транснациональная преступность, преступные организации, формы организованной преступности.

Организованность преступности является ярко выраженным показателем ее качества, влияя на криминогенную ситуацию. Существование в государстве такой преступности свидетельствует о больших возможностях преступного мира противостоять силам правопорядка, так как организованная преступность не только обладает огромными финансовыми средствами, но и имеет прочные связи в государственных правоохранительных структурах.

Не каждое государство готово признать существование на ее территории организованных преступных групп. Так, в СССР до 1985 года партийными органами категорически отрицалось наличие в стране организованной преступности, и любое упоминание о ней подвергалось жесткой цензуре.

И только в 1985 году по результатам работы Гурова А.И. и коллектива авторов в Узбекской ССР на основе значительного эмпирического материала (оперативных разработок и уголовных дел на группы преступников более 5 человек, интервью большого числа осужденных и экспертов) была подготовлена справка, в которой впервые упоминалось о существовании организованной преступности в пределах советского государства.

Продоланная кропотливая работа дала свой результат: по стране начали создаваться особые подразделения для борьбы с этим видом преступности, проводятся конференции и «круглые столы» по данной проблематике. Проблема вышла за стены исследовательского учреждения МВД. [4]

Так было на государственном уровне признано существование в СССР организованной преступности, которая особое развитие получила в период 1990-2000-х годов. За прошедший период эта проблема получила мощную теоретическую базу, однако и на сегодняшний день государство не предприняло эффективных мер в борьбе с ней.

В условиях современного мира и происходящих процессов глобализации преступления, совершаемые организованными группами, все чаще выходят за рамки российского государства. Это позволяет нам говорить о наличии в России не просто организованной преступности, а так называемой транснациональной организованной преступности.

Значительная доля преступлений совершается интернациональными по составу группами и на территории различных государств. В российских организованных преступных группах и сообществах принимает участие криминалитет ближнего и дальнего зарубежья. [3]

Основными условиями, обеспечивающими существование транснациональной организованной преступности в Российской Федерации, являются:

- ограниченность экономических ресурсов для надлежащего обустройства государственных границ;
- формирование так называемой «виртуальной экономики»;
- отсутствие необходимых законов о борьбе с организованной преступностью вообще, а с транснациональной в особенности, надежно работающей правоохранительной системы, жесткого валютного, финансового, банковского, налогового и иного экономического контроля, хорошо обустроенных границ и слаженной работы таможенной и миграционных служб;
- коррумпированность должностных лиц, в том числе и в системе правоохранительных органов; нищенское положение значительной части населения;
- масса выброшенных государством людей, в том числе и высококлассных специалистов, желающих выжить любым путем;
- монополизация мировой экономики; разрушение национальных менталитетов и культур, подрыва этических и нравственных основ общества;
- наличие в России незаконной миграции;
- глобализация общества в целом.

Организованная преступность умело адаптируется к новым социально-экономическим условиям, ярким примером чему выступают бывшие республики Советского Союза, где старая формация уже отошла в прошлое, а новая еще не до конца сформировалась. Это создает благоприятную почву для наращивания потенциала организованной преступности на национальном уровне, что в дальнейшем позволяет выходить ей на уровень международный, превращаясь в транснациональную организованную преступность.

Схемы деятельности транснациональных преступных групп примерно одинаковы: вербовка исполнителей происходит в одной стране, основные незаконные операции совершаются в другой, отмывание денег – в третьей. Это делает схему незаконной деятельности более прибыльной с одной стороны, и запутанной и сложной для расследования – с другой.

Транснациональная организованная преступность – это новый, более сложный уровень организованной преступности. Для нее не существует границ, в этом плане она космополитична. Доступность национальных государственных границ, которая становится тенденцией последнего времени, является благоприятным фактором для разрастания такого вида преступной деятельности. Подтверждением этому служат доступность границы между США и Мексикой, бывшими республиками Советского Союза (ныне независимыми государствами).

Еще одной вехой наступившего тысячелетия является большое количество миграционных потоков с Восточной Европы, Азии, Ближнего Востока. Под видом мигрантов в развитые страны проникает так называемый «кадровый резерв» для транснациональных преступных организаций.

В настоящее время наиболее мощными и организованными транснациональными преступными группировками являются колумбийские наркокартели, китайские триады, которые осуществляют свою деятельность в том числе и на территории России (на Дальнем Востоке), американские и итальянские преступные формирования. В одном ряду с ними криминологами все чаще упоминается и «русская мафия», без которой не обходится ни один художественный фильм о преступном мире. Основные сферы деятельности разноплановы. Это незаконный оборот наркотиков и оружия, торговля людьми, нелегальные азартные игры, вымогательство денег за охрану, операции с недвижимостью, «отмывание» денег, контрабанда спирта, валюты, нелегальная миграция, продажа в рабство.

«Русская» мафия по своей структуре многонациональна: русские, чеченцы, азербайджанцы, украинцы, грузины и представители других бывших «советских национальностей». Они имеют свои штаб-квартиры в Праге, Хельсинки, Варшаве, Берлине и других европейских городах. Осваивают они и Соединенные Штаты Америки.

«Русская» мафия за рубежом, как и любая организованная преступная группировка имеет свою четко обозначенную иерархию. Основанием у нее выступают гангстерские группировки, занимающиеся в основном рэкетом. Но основной доход мафии составляют незаконные денежные средства, поступающие со всех бывших республик СССР, а затем отмываемые путем вложения их в недвижимость, отели и туристический бизнес. Популярным направлением считается также порнографический бизнес. Занимая

ниши в данных направлениях постсоветская мафия идет на соглашения с зарубежным преступным бизнесом, в первую очередь в наркоторговле, впуская их в Россию, Казахстан, Прибалтику.

Именно индустрия наркобизнеса является определяющим вектором всей транснациональной преступности, принося ей самые большие доходы и позволяя тем самым расширять сферу своей деятельности.

Но международная преступность внедряет и новые сферы своей преступной деятельности, например незаконная торговля радиоактивными веществами. Эта сфера деятельности еще не до конца освоена мафией, поскольку она пока не является сверхприбыльной, но тем не менее итальянские и российские преступные группы уже проявляли интерес к приобретению радиоактивных материалов и совершали бартерные операции по поставке оружия и урана через Швейцарию в Италию. [1]

Таким образом, происходящая в настоящее время мировая глобализация экономики, где процессы социального контроля отстали от процессов интеграции преступников, можно назвать одной из важнейших причин транснационализации преступности.

Список литературы

1. Воронин Ю.А. Крупнейшие транснациональные криминальные сообщества и основные виды их преступной деятельности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2016. Т.16. №4
2. Воронин Ю.А., Родионова Т.А. Современные тенденции развития транснациональной организованной преступности // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №29
3. Годунов И. В. Транснациональная организованная преступность в России (пути и формы противодействия) : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002. С. 3. URL: <http://www.lib.uu.ru.net/diss/cont/157631>.
4. Гуров А.И. Организованная преступность в России./ http://www.aferizm.ru/criminal/ops/op_gurov.htm

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА

/THE NECESSARY DEFENSE/

Мамиев Р.К., Калищева К.А.

(**Мамиев Р.К.** - магистр юридического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ;

Калищева К.А. - ассистент кафедры уголовного права и процесса Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ)

Аннотация. В данной статье изложена правовая позиция возможности применения необходимой обороны; охарактеризован институт необходимой обороны; приводятся условия правомерности необходимой обороны; рассмотрен круг объектов и пределов необходимой обороны, а также примеры судебной практики признания правомерности защиты от нападения.

Summary. The prvovy position of a possibility of application of necessary defense is stated in this article; characteristic institute of necessary defense is given; are brought by conditions of legitimacy of necessary defense; the circle of objects and limits of necessary defense and also examples of judicial practice of recognition of legitimacy of protection against attack is considered.

Ключевые слова: преступность деяния, защита от преступных посягательств, право человека, общественно опасное посягательство, насилие, угроза применения.

Keywords: crime of act, protection against criminal encroachments, human right, socially dangerous encroachment, violence, application threat.

Необходимая оборона является единством двух противоположностей: посягательства и защиты. Каждая из указанных противоположностей определена соответствующими условиями.

Условия, относящиеся к защите при необходимой обороне, с нашей точки зрения, состоят в том, что при необходимой обороне объектом защиты становятся не только свои, но и любые другие охраняемые законом интересы.

Определяя понятие необходимой обороны, законодатель определил, что необходимой обороной признается также и защита личности и прав других лиц, защита интересов общества и государства в целом. То есть, очевидно, что при преступном опасном посягательстве на интересы, перечисленные в статье, при защите этих прав и интересов, абсолютно любым лицом, и причинение вреда посягающему лицу, преступность деяния исключается. Также посягательство должно быть сопряжено с насилием опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо должна быть реальная угроза такого применения. Если же посягательства не сопряжены с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо угрозой такого применения, то они считаются правомерными, если они не были допущены превышения пределов необходимой обороны. Правильным является и то, что законодатель определил, что не являются превышением пределов необходимой обороны действия оборонявшегося лица, если это лицо, вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения.

Институт необходимой обороны дан законодателем с расчетом, во-первых, на возможность защиты потенциальной жертвы от посягательства, т.е. право на оборону, во-вторых, реальное сокращение преступлений при возможности применения специальных навыков, средств и просто физической силы. Осознание нападающим лицом об возможном серьезном отпоре жертвы нападения, зачастую отравляет желание совершить нападение.

Вообще состояние необходимой обороны возникает не только в момент общественно опасного посягательства, но и при наличии реальной угрозы нападения. Состояние необходимой обороны может иметь место и тогда, когда защита последовала непосредственно за актом хотя бы и оконченного посягательства, но по обстоятельствам дела для оборонявшегося не был ясен момент его окончания. Переход оружия или других предметов, использованных при нападении, от посягавшего к оборонявшемуся сам по себе не может свидетельствовать об окончании посягательства.

Граждане имеют право на применение активных мер по защите от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, независимо от наличия у них возможности спастись бегством или использовать иные способы избежать нападения.

Право на необходимую оборону, закрепленное является важной гарантией реализации конституционных положений о неприкосновенности личности, жилища и имущества граждан, обеспечивает условия для выполнения гражданами их конституционного долга по охране собственности, государственных и общественных интересов.

Обязательным условием правомерности необходимой обороны является соблюдение ее пределов, которые нельзя превышать.

Условиями правомерности необходимой обороны, относящимися к посягательству, являются: общественная опасность посягательства; наличие посягательства; его действительность, реальность.

Бесспорно, «оборона не может быть беспредельной», но в то же время именно определение соразмерности объекта защиты и нападения является наиболее трудным правоприменительной практике.

Определенные трудности в правоприменительной деятельности вызывают вопросы, связанные с использованием защитных механизмов и приспособлений, которые предназначены для предотвращения либо пресечения преступного посягательства, связанного с проникновением в жилище, хранилище, помещение и другие объекты.

Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении № 19 от 27 сентября 2012 г. [2] впервые была изложена позиция о возможности необходимой обороны с использованием различных приспособлений и устройств: «Правила необходимой обороны распространяются на случаи применения не запрещенных законом автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты охраняемых уголовным законом интересов от общественно опасных посягательств.

Если в указанном и других случаях причиненный посягающему вред явно не соответствовал характеру и опасности посягательства, содеянное следует оценивать как превышение пределов необходимой обороны. При срабатывании (приведение в действие) таких средств или приспособлений в условиях отсутствия общественно опасного посягательства содеянное подлежит квалификации на общих основаниях».

Анализ данного пункта постановления позволяет выделить некоторые проблемы. Так, не определен примерный круг автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений. Верховный Суд РФ по буквальному толкованию упускает из виду автоматически действующие предметы и вещества, например, яды в напитках, газы, задымление и т.п. Он предлагает широкую трактовку понятия

устройств, приспособлений, предметов и веществ и деление их на пугающие и причиняющие вред здоровью человека.

Такое расширение круга средств и приспособлений за счет включения пугающих средств (сирена, сигнальные огни и т.п.) не является конструктивным. Пугающие средства не могут рассматриваться как средства необходимой обороны, поскольку они не могут причинить вред посягающему, а суть необходимой обороны заключается именно в этом. В круг средств необходимой обороны могут быть включены только предметы, устройства и вещества, причиняющие вред посягающему. Только угроза или фактическое причинение вреда здоровью или даже жизни посягающего способны отразить общественно опасное посягательство.

В комментариях некоторых ученых [3, 4, 5, 6] проводится позиция о недопустимости защиты жизни и здоровья с помощью указанных средств и приспособлений. Так, утверждается, что такими способами можно защищаться только от общественно опасного посягательства, сопряженного с посягательством на собственность, например, при пресечении кражи, грабежа. Соответственно причинение смерти или тяжкого вреда здоровью посягающего всегда должно будет оцениваться как превышение пределов необходимой обороны. Другие авторы полагают, что использование предохранительных предметов, веществ и устройств, следствием чего стало причинение тяжкого вреда здоровью посягающего, никогда не образует превышения пределов необходимой обороны. Но причинение смерти в рассматриваемой ситуации всегда образует превышение пределов необходимой обороны. Полагаем, что та и другая позиция не в полной мере соответствуют законодательным положениям о необходимой обороне. Законодатель, закрепляя право на необходимую оборону сформулировал ее общие правила в виде условий правомерности необходимой обороны, в частности среди других условие соразмерности средств защиты характеру и опасности посягательства. Поэтому нельзя заранее исключить случаи соразмерного использования автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты жизни и здоровья обороняющегося и других лиц.

Поскольку отсутствует четкая законодательная регламентация круга объектов и пределов необходимой обороны, то в уголовно-правовой доктрине нет однозначных позиций по данному вопросу, что дает основания для сужения круга возможных объектов защиты.

Толкование предписаний ст. 37 УК РФ [2] позволяет к объектам необходимой обороны отнести личность, права обороняющихся и других лиц, интересы общества, государства, которые находятся под охраной уголовного закона.

Считаем, что категории «объект уголовно-правовой охраны» и «объект необходимой обороны» идентичны по объему и содержанию», поэтому, теоретически можно осуществлять защиту всех прав личности. Формально уголовным законом и не ограничен круг посягательств, против которых допускается причинение вреда в состоянии необходимой обороны. Однако, дискуссионным является вопрос по поводу возможности, правомерности и пределов права на необходимую оборону при совершении, например, преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ), при клевете (ст. 129 УК РФ) и оскорблении (ст. 130 УК РФ); однозначно не урегулирован вопрос о возможности необходимой обороны, если совершается неосторожное преступление.

По нашему мнению, определенный результат в данном вопросе можно достичь, применив так называемую перечневую (казуальную) систему, сущность которой состоит в формировании перечня возможных объектов защиты и закреплении критериев установления границ возможного причинения вреда. Так, по аналогии с уголовным законодательством США, следует дополнить указание на конкретный вид преступного посягательства, во-первых, дифференциацией особенностей обороны в зависимости от специфики защищаемых благ, а во-вторых, характеристикой типичных жизненных ситуаций, в которой эти блага защищаются.

Судебная практика признает правомерность защиты от нападения с ножом при помощи пистолета, с лопатой или ножовкой – при помощи охотничьего ружья, от безоружного – при помощи ловкости и силы кулаков. Но при этом главным фактором признания вины является значительное превышение обороны по отношению к нападению.

Суд, всесторонне не рассматривающий дело о превышении пределов необходимой обороны, а именно не учитывая время суток, место и обстоятельства при которых происходит нападение на обвиняемого, нарушает конституционное право граждан защищать свою жизнь, имущество и здоровье

близких. Единственный выход из сложившейся ситуации это привлечение к рассмотрению дела опытного и грамотного адвоката по уголовным делам.

Защита при необходимой обороне должна быть своевременной. Во временном разрезе она должна отвечать общественно опасному посягательству. «Преждевременную» или «запоздалую» оборону нельзя увязать с существом необходимой обороны. Границы реализации права на оборону определены во времени начальным и конечным моментами преступного посягательства.

Так, преждевременная оборона не будет еще обороной необходимой, ибо против лишь предполагаемого посягательства можно принимать меры предупреждения, предосторожности, но не прибегать к обороне. А так называемая «запоздалая» оборона уже не будет необходимой, так как против оконченного посягательства оборона вообще является излишней и логически немыслима.

Тогда же, если обороняющийся, не осознал факт окончания посягательства или ошибочно полагал, что оно продолжается, следует руководствоваться положениями Постановления Пленума Верховного Суда № 19 от 27 сентября 2012 г. [2] о том, что «состояние необходимой обороны может иметь место в том числе в случаях, когда: 1) защита последовала непосредственно за актом хотя и оконченного посягательства, но исходя из обстоятельств для оборонявшегося лица не был ясен момент его окончания и лицо ошибочно полагало, что посягательство продолжается; 2) общественно опасное посягательство не прекращалось, а с очевидностью для оборонявшегося лица лишь приостанавливалось посягавшим лицом с целью создания наиболее благоприятной обстановки для продолжения посягательства или по иным причинам».

По нашему мнению, такие обстоятельства следует понимать не о необходимой, а о мнимой обороне, т. к. в данном случае налицо фактическая ошибка. При этом вполне возможны ситуации, когда уголовная ответственность исключается, но не потому, что была необходимая оборона, а потому, что фактическая ошибка исключает вину обороняющегося, который добросовестно заблуждается и по обстоятельствам дела не должен был и не мог сознавать, что посягательство уже окончилось.

Итак, необходимая оборона как право защиты от преступных посягательств знакома нашему законодательству еще издавна. Необходимая оборона является субъективным правом каждого человека, закрепленная уголовным законодательством. Уголовный кодекс Российской Федерации определил в статье 37, что необходимая оборона, как одно из обстоятельств исключающих преступность деяния, есть защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов государства и общества, от общественно опасного посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой такого применения.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 сентября 2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://base.garant.ru/70233558/>
3. Атабаева, Т.Ш. Необходимая оборона: теория, законодательство, практика применения / Т. Ш. Атабаева. - Барнаул: АГУ, 2008. - 230 с.
4. Истомин, А.Ф. Самооборона: право и необходимые пределы / А.Ф. Истомин. – СПб.: Питер, 2007. – 320 с.
5. Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: Автореф. ...канд. юрид. наук. Калининград, 2011. - 30 с.
6. Рамазанов И.Р. Необходимая оборона, а не превышение ее пределов / И.Р. Рамазанов // Уголовный процесс. 2012. № 4. - С. 68-73.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ, МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ И БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ДОБАВОК В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ

Уварова Т.А.

г. Краснодар

Поддержка состояния здоровья человека и его улучшение выступает одной из важнейших задач государства и общества. Согласно ст.41 Конституции Российской Федерации право каждого гражданина на охрану здоровья, гарантируется.[1]

Очевидно, что осуществление данного права не представляется возможным без использования лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок.

В связи с этим, вопрос правового регулирования незаконного оборота лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок является особо актуальным в Российской Федерации.

Незаконный оборот лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок выступает проблемой не только на территории нашего государства, но и в мире, в целом. Данное положение дел, обусловлено следующими фактами:

- активное развитие мировой торговли, при которой стираются пространственные границы;
- наличие повышенного дохода и заработка, по сравнению с иными, являющимися традиционными правонарушениями.[2]

- развитие незаконного оборота лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок через такие средства продажи как ИНТЕРНЕТ.

О серьезности данной проблемы свидетельствует статистика Росздравнадзора, согласно которой каждый год изымается и уничтожается более двух миллионов недоброкачественных и фальсифицированных лекарств, медицинских изделий и биологически активных добавок.[3]

Печальным является тот факт, что более половины товаров, которые имеются на фармацевтическом рынке, производятся в пределах российской Федерации, около 10 % - в странах СНГ и Балтии, остальные 30-40 % Юго-Восточной Азии, в основном КНР и Индии.[4]

Фармацевтический рынок является одним из активно развивающихся, отсюда и интерес преступного мира, к нему.

Прежде чем, говорить о правовом регулировании незаконного оборота лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок, необходимо определить, что же понимает закон под ними.

Так, понятие лекарственных средств дается в ст. 4 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», к их числу отнесены определенные комбинации и вещества, которые попадая в организм человека, достигают профилактических, диагностических, лечебных и иных целей.[5]

Что касается медицинских изделий, то трактовка данного термина осуществляется ст. 38 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», к их числу законодатель относит различные медицинские приборы, инструменты, материалы, которые используются в медицинских целях.[6]. Таким образом, медицинские изделия - это медицинская техника и медицинское оборудование.

Термин биологически активные добавки раскрывается в ст.1 Федерального закона от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» под которым понимаются природные вещества или же идентичные природным, используемые для употребления с пищей или же добавлены в состав продуктов питания.[7]

Фальсифицированные биологически активные добавки согласно Федеральному закону «О качестве и безопасности пищевых продуктов» - это пищевые продукты, изделия и материалы, которые содержат скрытые свойства, не соответствуют качеству или содержат неполную и или ложную информацию о них.[8]

В настоящее время наблюдается ужесточение мер по борьбе с незаконным оборотом лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок.

Так, в январе 2015 года вступил в силу Федеральный закон от 31.12.2014 №532-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок».[9]

Данный правовой акт внес изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, в частности, был дополнен новый состав: ст.235.1. Таким образом, на законодательном уровне уголовная ответственность за производство лекарственных средств или медицинских изделий без специального разрешения, если такое разрешение обязательно. Максимальное наказание за совершение данного преступления предусмотрено в виде восьми лет лишения свободы.

В примечании данной статьи указано, что крупный размер в данном случае определяется как стоимость лекарственных средств или медицинских изделий, превышающая сто тысяч рублей.

Также в Уголовный кодекс Российской Федерации была добавлена ст.238.1, устанавливающая уголовную ответственность за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок. Максимальный срок наказания, за совершение данного преступления составляет двенадцать лет лишения свободы.

Таким образом, незаконный оборот лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных понимается как три составляющие:

- фальсификацию лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок, посредством содержания ложной информации о составе или производителе;
- производство некачественного лекарственного средства, медицинских изделий и биологически активных добавок, которые не соответствуют фармакопейной статье;
- контрафактное лекарственное средство, медицинское изделие и биологически активная добавка, находящиеся в обороте, с нарушением правил оборота.

Следует отметить, что до введения ст.238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, вопрос незаконного оборота биологически активных добавок не был урегулирован, что порождало массу трудностей и проблем, поскольку биологически активные добавки, будучи контрафактными или фальсифицированными также могут нанести урон здоровью человека.[10]

Как справедливо заметила И.М. Середа, контроля за оборотом биологически активных добавок со стороны Роспотребнадзора было не достаточно, поскольку практика свидетельствовала о большом количестве преступлений, которые были квалифицированы по ст.234-235 Уголовного кодекса Российской Федерации, в которых предметом преступления служили сильнодействующие вещества, содержащиеся в биологически активных добавках.[11]

В силу отсутствия до недавнего времени в Уголовном кодексе Российской Федерации ст.238.1 правоохранительные органы были вынуждены применять нормы, предметом которых выступало само вещество, а не биологически активная добавка.

Дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации новым составом ст.238.1 восполнило пробел правовой регламентации уголовного ответственности за незаконный оборот биологически активных добавок.

¹ Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). Ст.45 // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

² Егоров А. В. О совершенствовании мер борьбы с незаконным оборотом лекарственных средств // Труды Института государства и права РАН. 2014. №4.С.107

³ Аналитика и статистика Росздравнадзора [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://imeda.ru/poleznye-materialy/analitika-i-stati/analitika-i-stati_4.html (дата обращения: 30.05.2018)

⁴ Гладких В.И., Сухаренко А.Н. Противодействие незаконному обороту фальсифицированных, недоброкачественных и контрафактных лекарственных средств // Безопасность бизнеса. 2015. № 3. С. 35 - 39.

⁵ Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обращении лекарственных средств» // «Собрание законодательства РФ», 19.04.2010, № 16, ст. 1815.

⁶ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 07.03.2018) // «Собрание законодательства РФ», 28.11.2011, № 48, ст. 6724.

⁷ Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // «Собрание законодательства РФ», 10.01.2000, № 2, ст. 150,

⁸ Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // «Собрание законодательства РФ», 10.01.2000, № 2, ст. 150,

⁹ Федеральный закон от 31.12.2014 №532-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок» // «Собрание законодательства РФ», 05.01.2015, № 1 (часть I), ст. 85,

¹⁰ Генрих Н.В., Квашиш В.Е., Комиссаров В.С. Актуальные проблемы борьбы с фальсификацией продуктов питания и лекарственных средств // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 1. С. 135.

¹¹ Середа И.М. Проблемы правового регулирования оборота биологически активных добавок к пище в Российской Федерации // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. N 1. С. 186.

Библиографический список

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7 ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). Ст.45 // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // «Собрание законодательства РФ», 10.01.2000, № 2, ст. 150,
3. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обращении лекарственных средств» // «Собрание законодательства РФ», 19.04.2010, № 16, ст. 1815.
4. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 07.03.2018) // «Собрание законодательства РФ», 28.11.2011, № 48, ст. 6724.
5. Федеральный закон от 31.12.2014 №532-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок» // «Собрание законодательства РФ», 05.01.2015, № 1 (часть I), ст. 85,

Научная и учебная литература

6. Аналитика и статистика Росздравнадзора [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://imeda.ru/poleznye-materialy/analitika-i-stati/analitika-i-stati_4.html (дата обращения: 30.05.2018)
7. Генрих Н.В., Квашиш В.Е., Комиссаров В.С. Актуальные проблемы борьбы с фальсификацией продуктов питания и лекарственных средств // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 1.
8. Гладких В.И., Сухаренко А.Н. Противодействие незаконному обороту фальсифицированных, недоброкачественных и контрафактных лекарственных средств // Безопасность бизнеса. 2015. № 3.
9. Егоров А. В. О совершенствовании мер борьбы с незаконным оборотом лекарственных средств // Труды Института государства и права РАН. 2014. №4.
10. Середа И.М. Проблемы правового регулирования оборота биологически активных добавок к пище в Российской Федерации // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 1.

СЕКЦИЯ №7.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ОСОБЕННОСТИ ХОДАТАЙСТВА О ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Подопригора Э.А., Тарасов А.В.

(Подопригора Э.А. – студент, Тарасов А.В. - кандидат юридических наук, доцент)

Российский государственный университет правосудия, г. Краснодар

Аннотация: в данной статье в общем смысле рассмотрена трактовка понятия ходатайства. Представлен анализ особенностей ходатайства о порядке судебного разбирательства дела. Рассмотрен момент подачи заявления и исключительность лица, которое вправе подать такого рода ходатайство. Представлены условия, при которых обвиняемый вправе ходатайствовать о порядке судебного разбирательства.

Ключевые слова: ходатайство, ходатайство о порядке судебного разбирательства дела, исключительность лица, момент подачи заявления, уголовное судопроизводство, обвиняемый, защитник.

Ходатайство представляет собой официальное обращение участником уголовного судопроизводства, которое определено законом, адресовано компетентному госоргану или должностному лицу, с просьбой о принятии процессуальных решений либо действий для установления обстоятельств, которые имеют значение для уголовного дела или для обеспечения участника данного судопроизводства правами и законными интересами[2].

Согласно нормам, прописанным в статье 120 УПК РФ, право лиц, принимающих участие в уголовном процессе, заявить ходатайство не ограничено законом какими-либо сроками, в таком случае, может быть реализовано на любой стадии уголовного процесса[1].

Особенность ходатайства о порядке судебного разбирательства дела заключается в законодательном определении момента заявления, а также исключительности лица, которое вправе подать такого рода ходатайство, а именно данным лицом является исключительно обвиняемый, и для его удовлетворения не требуется фактическое или правовое обоснование[3].

По окончании ознакомления с материалами уголовного дела, следователь, согласно положениям части 5 статьи 217 УПК РФ, разъясняет обвиняемому его право ходатайствовать о порядке судебного разбирательства. Основная сложность данного процесса состоит в выборе порядка судебного разбирательства, вследствие того, что такого рода порядок имеет тесную связь с существом самого преступного деяния, с содержанием доказательств, позиции стороны обвинения и защиты и т.д.

Для составления ходатайства о порядке судебного разбирательства, как уже было выше отмечено, анализа фактических обстоятельств уголовного дела или детального рассмотрения юридической стороны уголовно-процессуального законодательства не требуется.

На подготовительном этапе данного рода ходатайства необходимо установить наличие условий, при которых обвиняемый вправе ходатайствовать о порядке судебного разбирательства.

Таковыми условиями могут являться:

- для рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, необходимо одно из преступлений, в котором обвиняется лицо, относилось к числу преступных деяний, указанных в пункте 1 части 3 статьи 31 УПК РФ[1];
- для рассмотрения уголовного дела коллегией из 3-х судей федерального суда общей юрисдикции, необходимо обвинение лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступного деяния;
- для проведения судебного разбирательства в особом порядке, необходимо, чтобы срок наказания за совершение преступного деяния не превышал 10 лет лишения свободы;
- для проведения предварительных слушаний необходимо заявление ходатайства об исключении доказательства либо наличие основания для приостановления, прекращения уголовного дела, либо возвращения уголовного дела прокурору.

В случае если одно из выше указанных условий имеется в наличии и порядок рассматриваемого уголовного дела определен, то обвиняемый и защитником вправе приступить к составлению соответствующего ходатайства.

Отличительной особенностью ходатайства о применении особого порядка принятия судебного решения является то, что общие сроки рассмотрения, которые установлены нормами статьи 121 УПК РФ, не применяются. Адресатом такого вида ходатайства является суд, именно он рассматривает и разрешает ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства. Судья не вправе игнорировать

данного рода ходатайство, по причине того, что несоблюдение норм уголовно–процессуального закона, может стать основанием для жалоб сторон.

Приведем пример из судебной практики Приморско-Ахтарского районного суда Краснодарского края дело № 1-128/2018. Серебряков И.В. совершил кражу, то есть тайное хищение чужого имущества, с незаконным проникновением в жилище.

В судебном заседании подсудимый Серебряков И.В. полностью признал себя виновным в инкриминируемом ему деянии и подтвердил суду свое согласие на особый порядок судебного разбирательства дела и постановление приговора без проведения судебного разбирательства. Обвинение обоснованно, подтверждается собранными по делу доказательствами, подсудимый Серебряков И.В. понимает существо предъявленного ему обвинения и согласился с ним в полном объеме. Своевременно и добровольно в присутствии защитника заявил ходатайство об особом порядке принятия судебного решения, осознает характер и последствия заявленного им ходатайства, у государственного обвинителя, потерпевшего не имеется возражений против рассмотрения дела в особом порядке принятия судебного решения.

Суд удостоверился, что подсудимый осознает, в чем заключается смысл особого порядка судебного разбирательства и то, с какими материально-правовыми и процессуальными последствиями сопряжено использование этого порядка.

В результате рассмотрения материалов уголовного дела, суд пришел к выводу о виновности подсудимого Серебрякова И.В., в совершении инкриминируемого ему деяния.

Согласно положениям части 2 статьи 218 УПК РФ, обвиняемый вправе заявить ходатайство в ходе ознакомления с материалами дела, при этом в протоколе ознакомления с материалами дела отражается соответствующая запись. Данная запись представляет собой факт проявления желания обвиняемого воспользоваться правом или наоборот – отказаться от него.

Необходимо подчеркнуть, что нормы уголовно – процессуального законодательства, которые регулируют деятельность защитника, имеют не достаточно корректную формулировку. К примеру, согласно положениям части 1 статьи 315, пункта 2 части 2 статьи 314 УПК РФ, заявляется ходатайство обвиняемым по предоставлению юридической помощи защитником и непосредственно в его присутствии. Тем не менее, согласно нормам статей 215, 217 УПК РФ, не предусмотрено в рамках законодательства обеспечение следователем участие защитника на этапе ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. На основании этого, возникает вопрос о действиях обвиняемого, в случае, если он отказался от помощи защитника.

Также существуют не соответствия между норм статьи 51 и части 1 статьи 315 УПК РФ. Так на основании положений пункта 7 части 1 статьи 51 УПК РФ, обвиняемый, который заявил ходатайство о постановлении приговора без судебного разбирательства, обеспечивается обязательным участием защитника в процессе рассмотрения дела. Тем не менее, положения части 1 статьи 315 УПК РФ, устанавливающие обеспеченность участия защитника с судом, в том случае, если он не приглашен лично подсудимым, его законным представителем или по их поручению иными лицами. Мы считаем, что указанные несоответствия необходимо устранить.

Согласно положениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел», с учетом требований, установленных нормами части 2 статьи 315 и статьи 229 УПК РФ, ходатайство обвиняемого о постановлении приговора без судебного разбирательства может быть удовлетворено в присутствии защитника и до момента назначения судебного заседания.

Необходимо подчеркнуть, что в случае если данного рода ходатайство заявлено на предварительном слушании, то суд несет обязанность обеспечения защитника.

В исследуемом вопросе российский уголовный процесс имеет кардинальные отличия от норм уголовного процесса окружных судов Соединенных Штатов Америки, которые, к примеру, наделены правом на установление запрета на принятие ходатайства о виновности, в случае если будет установлен факт о том, что данное ходатайство является результатом обмана, угроз, насилия, внушения, иного принуждения либо обещания каких-либо выгод.

Согласно положениям Памятки федерального судьи США, суд определяет обязанность по осуществлению проверки добровольности, а также осознанности заявления обвиняемого о признании вины, его процессуальных прав, последствий заявленного ходатайства, а также по установлению фактических оснований с целью принятия заявления о признании вины. Основываясь на положениях вышеуказанного

документа, судья выясняет у обвиняемого обстоятельства заявленного им ходатайства, а также проводит допрос обвиняемого под присягой и в присутствии адвоката. Также проводится допрос подсудимого прокурором об излагаемых в его заявлении обстоятельствах, которые являются фактической основой суждения.

Мы считаем, что российскому законодателю следует внести несколько изменений в Уголовно–процессуальный кодекс РФ, при этом, обратив внимание на опыт США.

Вследствие всего вышесказанного, мы делаем вывод о том, что в случае если обвиняемый заявил ходатайство о постановлении приговора без судебного разбирательства, ему необходимо прежде всего обговорить все нюансы со своим защитником.

На наш взгляд, обвиняемому необходимо соглашаться на особый порядок только в том случае, если в материалах дела имеет достаточный объем доказательств вины и все требования норм уголовно–процессуального закона при осуществлении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий соблюдены.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что применение института особого порядка судебного разбирательства, не осуществляется без внимания, как ученых-процессуалистов, так практических работников. Без сомнений, особый порядок судебного разбирательства значительно сокращает нагрузку на судебный аппарат, что делает проще процедуру проведения уголовного процесса. Несмотря на это, не стоит забывать, что данная форма рассмотрения уголовных дел не должна противоречить базовым принципам уголовного судопроизводства как на стадии заявления ходатайства в особом порядке, так и в процессе судебного разбирательства, по причине того, что велика вероятность значительного ущемления прав обвиняемого.

Все это доказывает необходимость дальнейшего совершенствования института особого порядка судебного разбирательства, а также могут послужить предпосылкой развития новых исследований.

Список литературы

1. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. - 2001.-№52-Ст. 4921
2. Власенко, Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании : монография / Н. А. Власенко. - М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ : ИНФРА-М, 2015. - 157 с.
3. Дорошков В.В. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Российский судья. – 2014. – № 9. – С. 32-36.
4. Жидкова, Е. И. Формирование пределов производства по делу в досудебных стадиях уголовного процесса : монография / Е. И. Жидкова. - М. : Юрлитинформ, 2014. - 152 с.
5. Колоколов Н.А. «Подводные камни» при рассмотрении уголовного дела в особом порядке // Уголовный процесс. – 2015. – № 4. – С. 50-53.

СЕКЦИЯ №8.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

СЕКЦИЯ №9.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

СЕКЦИЯ №10.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

О ПОДГОТОВКЕ ЮРИСТОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Потехецкий С.В.

Инженерно-экономический институт НИУ «МЭИ», г. Москва

В условиях современной антиномичной либерально - рыночной экономики проблема защиты информации (ЗИ) ограниченного доступа приобретает особую важность. Безусловно, что говорить о том, что при этом является базисом решения проблемы, а что - его надстройкой, не приходится: базис - правовые вопросы, надстройка - всё, что связано непосредственно с проблемой ЗИ. Вместе с тем, решение каждой из проблем в отдельности при подготовке специалистов в области юриспруденции представляется не совсем правильным решением. Идя по этому пути, можно получить специалистов по «левой» резьбе и по «правой» резьбе (как это имеет место в системе образования во многих странах Запада), вместо того, чтобы иметь оных по резьбе в целом. О чём, собственно, идёт речь?

В Государственной системе защиты информации (ГСЗИ) [1] к числу основных методов ЗИ относятся правовые, организационные, технические и экономические. При этом безусловным приоритетом обладают правовые методы - базис, основа для всех остальных методов. Регулятором вопросов ЗИ в РФ является Федеральная служба по техническому и экспортному контролю [2], функции которой охватывают всю проблематику ЗИ, в том числе - в сфере экономики. Вместе с тем, несмотря на всю очевидность и важность подготовки специалистов по правовым вопросам ЗИ, это направление подготовки имеет определённые проблемы. Учитывая то, что обеспечение ЗИ и решение проблемы информационной безопасности (ИБ) в целом в условиях чрезвычайно конфликтного и динамичного характера ведение информационной войны против России выходит на уровень национальной безопасности государства [3,4], проблема подготовки специалистов по правовым вопросам ИБ приобретает особый смысл и характер.

Конечно, нельзя говорить о том, что нет работ по правовым вопросам ИБ специалистов по ИБ, среди которых можно отметить не только [5], но и ряд других работ, перечень которых довольно обширен. Вместе с тем, среди специалистов, работающих в сфере ИБ, есть и определённый недостаток правовых знаний, восполнить который призвана, на наш взгляд, современная система подготовки кадров среднего и высшего образования. Особенно этот пробел в подготовке кадров будет виден в условиях развития цифровой экономики, которая предусмотрена распоряжением [6]. Учитывая стратегический характер данной программы на период до 2030-2035 гг., нельзя не отметить тот факт, что система подготовки юристов по проблематике ИБ и цифровой экономике, в частности, к этому решению, на наш взгляд, не готова.

В самой проблематике ИБ существуют свои правовые коллизии, связанные с тем, что РФ - часть международного правового поля, в силу чего стандарты в области ИБ, в частности, стандарты ГОСТ Р ИСО/МЭК 27-й серии (27000) и ряд других построены на синхронных переводах с международных стандартов, в которых присутствует терминология, в ряде случаев непонятная ни самим переводчикам, ни специалистам по ИБ. И в этом случае официальный перевод субъективно трактуется по субъективной Мёре(Ъ-через «ять») (*критерии и показатели*) специалистов по ИБ. Указанное обстоятельство обусловлено тем, что основной проблемой обеспечения ИБ у «партнёров» является обеспечение отсутствия угроз безопасности бизнесу, увеличение прибыли и возврат инвестиций, т.е. о человеке как субъекте правовых отношений в процессе обеспечения ИБ нет и речи.

Однако, нельзя не согласиться с тем, что «Первая задача всякой теории, это — привести в порядок смутные и чрезвычайно спутанные понятия и представления, и лишь условившись относительно названий и понятий, можно надеяться ясно и легко преуспевать в рассмотрении вопросов и при этом питать уверенность, что находишься с читателем на одной и той же точке зрения» [7]. В противном случае разговор на тему цифровой экономики будет напоминать общение глухонемого со слепым.

Действительно, разве можно заниматься законотворческой деятельностью, руководствуясь только лишь познаниями в области юриспруденции? Конечно, ответ будет отрицательным. Тем более, что терминология в области цифровой экономики страдает большой степенью неопределённости. К тому же, обилие «новомодных» терминов типа: «криптовалюта», blockchain, bitcoin, big data, virtual corporation, peering net, Business intelligence, Data Mining и т.д. совершенно дезориентирует не только юристов, но и пугает простых обывателей.

Вместе с тем, «у нас» основа состояния информационной системы, при котором обеспечивается конфиденциальность, целостность и доступность информации - человек как субъект правовых отношений в ГСЗИ. Тем более, что в проблематике обеспечения ИБ интересы личности, по всем правовым документам стоят на первом месте в системе приоритетов «личность - общество - государство». При этом, не обсуждая приведенную иерархию приоритетов, нельзя не заметить, что *квалификация специалиста по ИБ не может не быть системной. По определению.*

Но юристов системного плана как таковых в настоящее время нет. Хотя на форумах по ИБ приходилось слышать от руководителей образовательных программ некоторых педагогических ВУЗов о том, что у них выпускаются юристы в области ИБ. Но на вопрос о том, есть ли на кафедре специалисты, владеющие тематикой и преподающие будущим юристам основы ИБ, последовал отрицательный ответ. Но возникает простой вопрос: а как можно готовить юристов, не владеющих вопросами ИБ? И кто их может в таком случае готовить, не владея основами ИБ? Ответ остался за кадром...

Почему эта проблема так актуальна? Всё дело в том, что проблематика ИБ предполагает знание хотя бы их основ для того, чтобы разумно и осознанно готовить базовые правовые, законодательные, нормативные, методические и нормативно - методические документы в рамках обеспечения ИБ современной цифровой экономики. Непонимание проблематики ИБ может увести решение проблемы обеспечения ИБ совершенно в другую сторону. Практика проведения форумов по ИБ - яркое тому подтверждение, когда термин «цифровая экономика» означал обеспечение электронных продаж и скорость их проведения, *а где же сама экономика и её развитие-непонятно.*

Проблема усугубляется ещё и тем, что в цифровой экономике делается сильнейший крен на вопросы развития информационно - коммуникационных технологий(ИКТ), без приоритетного решения вопросов ИБ, что, на наш взгляд, является существенным недостатком. Ни для кого не секрет, что глобальная система Интернет является системой внешнего управления и создана специалистами из стран - «партнёров» под «мудрым руководством» АНБ США и ЦРУ. Кроме того, программное обеспечение и элементная база также до сих пор в основе своей содержат решения иностранных «партнёров».

В связи с этим необходимо обратить внимание на негативный опыт конца девяностых годов, когда были вложены большие средства в «хай - тек» без достижения какого -нибудь результата в целом. Современное состояние решения проблемных вопросов в области цифровой экономики весьма похоже на то же самое, с весьма проблематичным результатом для самой экономики предприятий, о перспективах развития которой можно только догадываться. Вместе с тем, существенные средства предполагается вкладывать в развитие ИКТ, с целью существенной роботизации финансовых операций. И всё...

Кроме того, на наш субъективный взгляд, история вопроса «цифровизации» от идеи до её практического внедрения может быть хитроумным проникновением ментального вируса «партнёров» в умы руководителей самого высокого уровня с целью решения далеко идущих планов по внешнему управлению экономиками стран мира с целью «перекраивания» мировых финансов в пользу «экономических темнил» - с одной стороны, и решения определённых неясных технических вопросов за счёт торможения экономического развития других стран, в частности, России, - с другой.

В пользу этого утверждения говорит тот факт, что в результате «цифровизации» человек из непосредственной производительной силы превращается, против своей воли (а его никто и не спрашивает!), в единицу информационного ресурса, которой легко управлять: электронный паспорт; СНИЛС; электронные права; банковские карты (в перспективе - полное отсутствие наличных денег); ИНН; биометрические данные; полный цифровой профиль человека, а также ДНК-паспорт, правомочность которого и его «острая необходимость» для простых людей совершенно непонятны.

А вот последнее - уже не шутка, а самая, что ни есть, угроза жизни, с учётом нахождения биологических лабораторий «партнёров» для сбора ДНК россиян вокруг границ России.

Есть и ещё одна сторона вопроса: нравственная. Как известно, любые знания можно использовать как для Добра, так и для Зла. Может ли цифровизация населения служить исходными данными для информационного оружия, применяемого против нас так называемыми «партнёрами»? Да. Может. Поэтому готовиться решать эту проблему надо уже сейчас, занимаясь упреждающим прогнозированием вопросов подготовки специалистов системного уровня, обладающих, кроме обширных юридических познаний, знаниями, как минимум, по направлениям ИБ, ИКТ, психологии и др.

Отсутствие системного анализа указанной проблемы с привлечением не только юристов, но и тех, кто занимается вопросами ИКТ, ИБ, стандартизации, экономики, социальными вопросами-существенным образом осложняет возможности принятия правильных решений. Рискнём предположить, что келейное

принятие несогласованных и слабо обоснованных решений только юристами, оформленных в виде законодательных актов, может привести не только к непредсказуемым техническим последствиям в виде нарушений в области ИБ, но и к тяжёлым социальным последствиям.

Последнее будет иметь место при уклоне в сторону систем искусственного интеллекта, повсеместное внедрение которых без должного анализа может привести к материализации Сознания индивидов в сторону стремления к потреблению и отсутствию творчества, существенному увеличению числа безработных в стране. Кроме того, принятие решений киберфизическими системами чревато отсутствием предсказуемости последствий принятия решений, что при наличии современных информационных угроз недопустимо.

Указанную проблему возможно было бы решить при подготовке специалистов по системе непрерывного высшего образования в течение 5- 6 лет, как это было ранее, когда образование было, в первую очередь, системным и непрерывным. Системность и непрерывность образования - то, что всегда отличало специалистов советской системы образования - самой лучшей системы образования в мире. Теперь её нет, а есть некое «оказание услуг», как будто речь идёт о стрижке в парикмахерской или походе в баню.

С оказанием услуг пропала обязанность обучаемых учиться и ответственность за результаты своего обучения. При этом ответственность безальтернативно возлагается на преподавателя, который, в ряде случаев, не имеет права потребовать от заплатившего «за услугу», ориентируясь на ценности известного классического персонажа: «Ах, Боже мой, что скажет княгиня Марья Алексевна?»

Кроме того, реформаторы от образования выдумывают всё новые схемы, исключая живое общение преподавателя и обучаемых, что в процессе обучения просто недопустимо.

В рамках существующей болонской системы образования указанную проблему подготовки специалистов осуществить достаточно сложно.

Это обусловлено, в первую очередь, импульсно-хаотичным процессом смены стандартов образования, который уже превратился в непрерывный. При этом бумаготворчество выходит на первый план, а качество подготовки специалистов при *таких вариативных стандартах* отходит на последний план. Не успевают ВУЗы освоить один стандарт, как ему на смену приходят другие. Кроме того, уменьшается количество часов на подготовку. «В ходу» и «почёте» почему - то иностранцы, и показатели работы преподавателей должны (по определению) соответствовать западным стандартам. Возникает простой вопрос: а с какой стати и по какому такому праву?

Действительно, если в ССУЗе выпускник готовится как юрист, в бакалавриате он не сможет учиться по направлению 10.03.01 «Информационная безопасность», т.к. в средней школе и (или) в ССУЗе он готовился не к технической специальности, а к сдаче ЕГЭ, целесообразность которого весьма сомнительна. Да и по положению о поступлении на направление по ИБ выпускник просто не сможет даже подать заявление о поступлении, т.к. не соответствует по полученному образованию.

Если же выпускник в ВУЗе готовился по направлению ИБ, то, приобретая образование в области юриспруденции, он за это время «успешно» забудет всё, что знал в области ИБ. Очевидно, что в этом случае имеет смысл говорить о вечерней форме обучения, одновременной профессиональной переподготовке либо заочной форме обучения. Кроме этого, возможны варианты совмещения основного процесса обучения с профессиональной переподготовкой по смежной специальности: ИБ-юриспруденция и юриспруденция - ИБ.

Подготовку специалистов усугубляет и проблема системного взаимодействия регуляторов по проблемам защиты информации со структурами, ответственными за образование в стране, которые постоянно реформируются сами и реформируют содержание предметов.

Несмотря на имеющиеся трудности, без знаний в области ИБ говорить о квалифицированной подготовке юристов в сфере ИБ, на наш взгляд, невозможно. Поэтому возможен вариант подготовки специалиста с высшим образованием по направлению 10.03.01 «Информационная безопасность», а *затем или параллельно* - подготовка по второй специальности - юриста-по направлению «Юриспруденция».

Вместе с тем, имеет смысл подумать и о новой специальности в рамках подготовки юристов, с включением в программу подготовки очной формы обучения вопросы ИБ, возможно, путём продления программы подготовки не менее чем на полгода. Последний вопрос требует существенной проработки и появления нового направления в подготовке юристов, т.к. не является для специалистов в области юриспруденции очевидным.

Таким образом, подготовку юристов по проблемам информационной безопасности целесообразно вести междисциплинарным образом на стыке проблем юриспруденции и информационной безопасности.

Список литературы

1. Постановление Совета Министров - Правительства РФ от 15.09.1993 г. №912-51 «Об утверждении Положения о государственной системе защиты информации в Российской Федерации от иностранных технических разведок и от её утечки по техническим каналам».
2. Положение о Федеральной Службе по Техническому и Экспортному Контролю. Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. N 1085 «Вопросы Федеральной службы по техническому и экспортному контролю».
3. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации".
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646.
5. Новиков В. К. Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности. Правовое обеспечение информационной безопасности: Учеб.пособ. М.: МИЭТ, 2013.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р "Цифровая экономика Российской Федерации".
7. Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц. «О войне». 1832/34 г. <https://www.litres.ru/karl-fon-klauzevic/o-voyne-chasti-1-4/chitat-onlayn/>Дата обращения: 04.02.2019.

СЕКЦИЯ №11.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ АРБИТРАЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ К РАССМОТРЕНИЮ И РАЗРЕШЕНИЮ ДЕЛ ПО ЗЕМЕЛЬНЫМ СПОРАМ

Иванова Е.П.

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Основной проблемой российского арбитражного судопроизводства, в том числе и особенно применительно к земельным спорам, является чрезмерная загруженность арбитражных судов, что неизбежно снижает качество и ограничивает доступность правосудия. Представляется, что решение этой актуальной проблемы возможно в рамках двух основных подходов. Экстенсивный подход заключается в резком увеличении числа судей и расширении судебного аппарата. Однако предпочтительным является научный подход, предполагающий анализ проблемы, теоретическое обоснование, практическую апробацию и внедрение изменений, снижающих перегруженность арбитражных судов по рассмотрению и разрешению земельных споров, в процессуальное законодательство.

Одним из процессуальных механизмов обеспечения принятия законных и обоснованных судебных решений в условиях особой сложности арбитражного судопроизводства является предусмотренное законодателем привлечение к рассмотрению дел арбитражных заседателей. В соответствии с п. 1 ст. 19 АПК РФ, арбитражные заседатели могут быть привлечены к рассмотрению дел в арбитражных судах первой инстанции в соответствии с настоящим Кодексом и другими федеральными законами по ходатайству стороны в связи с особой сложностью дела и (или) необходимостью использования специальных знаний в сфере экономики, финансов, управления.

Исследуя участие арбитражных заседателей в арбитражном процессе, Н.А. Шкалова рассматривает арбитражных заседателей как, с одной стороны, граждан, привлечение которых к судопроизводству создает элемент народного представительства, обеспечивающего укрепление доверия граждан к суду и повышение правовой культуры общества; с другой – как представителей предпринимательских кругов, участие которых в правосудии способствует повышению качества принимаемых судами решений. Следует отметить, что элемент профессиональной квалификации арбитражных заседателей, безусловно, превалирует над народным представительством как в силу прямого указания закона, так и за счет объективного факта особой сложности ряда дел в арбитражном судопроизводстве.

В преамбуле Постановления Пленума ВАС РФ от 05.09.1996 N 10 «Об утверждении Положения об эксперименте по рассмотрению дел с привлечением арбитражных заседателей, Перечня арбитражных судов, в которых проводится эксперимент, и Списка арбитражных заседателей» сказано, что эксперимент по рассмотрению дел с привлечением арбитражных заседателей проводится в соответствии со статьей 8 Федерального закона «О введении в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» и направлен на создание условий для привлечения к осуществлению правосудия в арбитражных судах лиц, обладающих специальными знаниями и опытом работы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Таким образом, уже в самом начале становления правового института арбитражного судопроизводства, высший арбитражный судебный орган страны признал необходимость и целесообразность использования в непосредственном осуществлении правосудия в условиях обширности и многообразия предпринимательской деятельности, опыта и знаний лиц, обладающих узкой высокопрофессиональной специализацией.

Как гласит п. 2 ст. 19 АПК РФ: «Ходатайство о рассмотрении дела с участием арбитражных заседателей должно содержать обоснование особой сложности дела и (или) необходимости использования специальных знаний и может быть заявлено стороной не позднее чем за один месяц до начала судебного разбирательства, в том числе при каждом новом рассмотрении дела. Суд обязан разъяснить сторонам их право заявлять такое ходатайство в определении о принятии искового заявления к производству суда и при подготовке дела к судебному разбирательству».

Представляется, что сегодня возможности использования арбитражных заседателей в рассмотрении и разрешении дел по земельным спорам реализуются далеко не полностью, и реформирование этого правового института обладает существенным потенциалом повышения эффективности арбитражного судопроизводства.

Достижение этой задачи требует уточнения, а в некоторых случаях и кардинального пересмотра ряда законодательных норм, регламентирующих процессуальный статус и деятельность арбитражных заседателей. Безусловно, в первую очередь следует проанализировать правовое содержание, которое законодатель вложил в процессуальную фигуру арбитражного заседателя и соответствие правового статуса арбитражного заседателя иным законодательным нормам.

Полагаю, что ключевая характеристика арбитражных заседателей как «лиц, обладающих специальными знаниями», является некорректной, так как противоречит многим правовым понятиям.

Во-первых, сам правовой институт специальных знаний пока не приобрел окончательной формы. В этой связи представляется обоснованным мнение Л.В. Лазаревой: «Законодателем не выработан терминологический инструментарий, определяющий сущность института специальных знаний, не сформулированы основные целеполагания построения данного правового института, задачи, перспективы его развития. Существующий понятийный аппарат не соответствует современному развитию общества, поэтому нуждается в серьезной доработке». Указывая на универсальность дефиниции «специальные знания» для любого судопроизводства А.А. Мохов пишет: «Немаловажным представляется и тот факт, что исследование проблем использования специальных знаний в гражданском судопроизводстве России выходит за рамки собственно гражданского процессуального права, поскольку специальные знания применяются во всех видах судопроизводства», однако признает, что «собственно специальные знания сведущих лиц с точки зрения их места и роли в современном гражданском судопроизводстве, соотношения с иными социально-правовыми явлениями, присущими отраслевой науке, остаются в значительной степени процессуального права».

Во-вторых, термин «специальные знания» традиционно чаще всего используется в юриспруденции (в том числе и в арбитражном процессе) для характеристики эксперта и некоторых случаях специалиста. Именно поэтому Н.П. Каторгина, анализируя и обобщая мнения ведущих российских ученых в обзорной работе по формам использования специальных знаний в российском судопроизводстве, даже не упоминают арбитражного заседателя как субъекта, обладающего специальными знаниями.

Законодателем предусмотрен и другой вид процессуального применения специальных знаний – привлечение специалиста к производству следственных и судебных действий (ст. 58, 168 УПК, ст. 188 ГПК и ст. 25.8 КоАП), где он использует эти знания и навыки для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств, а также оказывает помощь в постановке вопросов эксперту и дает разъяснения сторонам и суду по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию.

Представляется, что столь стойкое неприятие теоретиками и практиками судопроизводства понимания сущности арбитражного заседателя как лица, обладающего специальными знаниями, заключается в том, что эксперт использует специальные знания для формирования заключения, являющегося лишь одним из доказательств по делу, тогда как арбитражный заседатель непосредственно осуществляет правосудие. Наглядным подтверждением этой правовой тенденции служит и то, что Федеральный закон от 30.05.2001 N 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» вообще не использует термин «специальные знания» для характеристики арбитражного заседателя.

Анализ Федерального закона от 30.05.2001 N 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» и закона РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 12.11.2018) «О статусе судей в Российской Федерации» показывает, что определение арбитражного заседателя как процессуального субъекта исходит из того же подхода, что и к определению судьи, указывая на возможность осуществления ими правосудия с предъявляемыми к ним требованиями. Следует отметить, что анализируемые положения противоречат нормам АПК РФ, обуславливающих привлечение к рассмотрению дел арбитражных заседателей необходимостью использования специальных знаний в сфере экономики, финансов, управления.

Таким образом можно сделать вывод, что существующая сегодня система привлечения арбитражных заседателей по ходатайству сторон не соответствует специфике земельных споров и должна быть изменена. Поэтому полагаю, что особая сложность арбитражного судопроизводства по делам о земельных спорах требует обязательного участия арбитражных заседателей в рассмотрении и разрешении этой категории дел.

Список литературы

1. Емалтынов А.Р. Процессуальные особенности рассмотрения земельных споров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2012. – 26 с.
2. Каторгина Н.П. Базовые формы использования специальных познаний в конституционном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2018. – 35 с.
3. Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... док. юрид. наук. – Владимир, 2011. – 24 с.
4. Мохов А.А. Использование специальных знаний в гражданском судопроизводстве России: теория и практика: автореф. дис. ... док. юрид. наук. – СПб, 2005. – 32 с.
5. Шкалова Н.А. Участие арбитражных заседателей в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2017. – 37 с.

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2019 ГОД

Январь 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях**», г. Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2019 г.

Февраль 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом**», г. Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2019 г.

Март 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы юриспруденции**», г. Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2019 г.

Апрель 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция «**Теория и практика современной юридической науки**», г. Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2019 г.

Май 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения**», г. Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2019 г.

Июнь 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях**», г. Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2019 г.

Июль 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция «**О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции**», г. Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2019 г.

Август 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция **«Теоретические и практические аспекты развития юридической науки»**, г. Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2019 г.

Сентябрь 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция **«Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития»**, г. Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2019 г.

Октябрь 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция **«Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции»**, г. Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2019 г.

Ноябрь 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция **«Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы»**, г. Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2019 г.

Декабрь 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции»**, г. Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2020 г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Юриспруденция»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения

Выпуск VI

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 мая 2019 г.)**

г. Омск

2019 г.

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Издатель Инновационный центр развития образования и науки (ИЦРОН),
603086, г. Нижний Новгород, ул. Мурашкинская, д. 7.

Подписано в печать 10.05.2019.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 3,5.
Тираж 250 экз. Заказ № 051.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58.